

Суженая мрака

Автор:

Ольга Гусейнова

Суженая мрака

Ольга Вадимовна Гусейнова

Звезды романтического фэнтези

Когда боль невыносима, а надежды на спасение нет, остается лишь один выход – смерть. Ведь в моем случае, как обещает странная подруга по несчастью, назвавшаяся эльфийкой, смерть – начало новой жизни. Новый мир, новая судьба, новые правила... только проклятье старое, как и будущий обещанный суженый! Та эльфийка не верила, что Мрак умеет любить, что Свет и Тьма могут быть едины.

Теперь мне на собственном опыте придется проверить: так ли это на самом деле. Или сердцу не прикажешь!

Ольга Гусейнова

Суженая мрака

© О. Гусейнова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

С огромной любовью к вам, мои дорогие читатели.

И словами признательности моим помощникам, не дающим сбиться с сюжетной линии и призывающим писать, когда я откровенно ленюсь или просто не получается: сестре Юлии – за постоянную поддержку добрым словом и советом; Ирине Перхиной – за креативный взгляд; Вере Борисковой, верному редактору-любителю, с детства обожающей детективно-приключенческие романы и поддерживающей все мои начинания. Эта история для вас!

С уважением, ваша Гусейнова Ольга

Пролог

Капает вода, шуршат мыши и хлопают крыльями куры в птичнике, отвратно пахнет навозом, плесенью, сыростью и кровью. Прикрыв глаза, я с содроганием вслушиваюсь в окружающую тишину. Живая!

Все еще живая...

Старый, подгнивший деревянный настил, накрытый не менее старым дырявым линолеумом, видимо, чтобы убирать было проще, тянет остатки тепла из моего истерзанного тела. Болит все, каждая клеточка и косточка, десятки, а может, и сотни порезов кровоточат. В меня неумолимо пробирается холод, вымораживая даже душу. Лежа на боку, подтянув к себе колени, потому что так легче, голая, в запекшейся крови, я мечтаю лишь об одном: умереть!..

С трудом разлепив веки, сквозь муть и, кажется, вечные сумерки, царящие в этом подвале, где когда-то, наверное, хранили соленья и картошку, убедилась, что нахожусь в своеобразной клетке. Если я не провалялась без сознания лишние часы, значит, в плену я уже вторые сутки.

О чем мечтают жертвы маньяка? Раньше думала – о том, как выжить, о спасении. Как же я ошибалась. В моем состоянии надежды не осталось, лишь жгучий, обжигающий страх дожить до очередной встречи с садистом.

– Господи, позволь мне уже сдохнуть, не могу больше... – просипела я отчаянную, идущую от самой души мольбу к высшим силам.

– Зря ты так... – неожиданно услышала тихий, надтреснутый женский голос.

– Кто здесь? – от ужаса я содрогнулась всем телом, распахивая глаза и пытаюсь взглядом найти... кого?..

Двигаться я могла с трудом, относительно целой осталась одна рука, на остальные конечности даже смотреть страшно. В небольшом подполе деревенского дома вместо солений и варений поставили две клетки, разделенные узким проходом. Одну занимаю я, во второй обнаружилась другая пленница. Судя по ее виду... отбивной, она здесь дольше моего. Хотя заплывшие, слезящиеся глаза могут меня подводить.

– Василиса Ермилова, – представилась «отбивная», лежащая у ржавой решетки.

Точно определить, как она выглядела раньше, до того как попала сюда, к маньяку, невозможно, и это ужаснуло собственными кошмарными перспективами. На тот свет захотелось еще скорее и острее.

– Лера... Валерия Малютина, – просипела я.

Может, я брежу, а собеседница просто привиделась? С учетом двух суток наедине с садистом – это более чем вероятно. Но вид даже искалеченного человека здесь, в этом аду на белом свете, принес мне неожиданное облегчение. Одной быть жутко, а так, ну и пусть бред или галлюцинации, зато компания. Ведь лучше говорить хоть с кем-то, даже если это бред, лишь бы не молчать в ожидании, когда зверь в человеческом облике вернется и продолжит на мне свои «эксперименты».

Напряжение отпустило, сменившись зубодробительной волной боли, охватившей тело, из-за того, что пришлось повернуться. Обмякнув, сцепив зубы, чтобы не стонать, я вновь закрыла глаза, пережидая, когда стихнет боль.

– Как он тебя? – нарушил тишину сип Василисы.

Я поняла, о чем речь, и с трудом ответила:

– Посидели в кафе с девочками, отметили мой развод с мужем. Возвращалась не поздно, веселая, довольная, села в такси, а там этот урод чем-то брызнул мне в лицо – и все. Очнулась... здесь, на металлическом столе, голая, а дальше... дальше даже вспоминать больно.

– А меня среди белого дня проезжавшее мимо такси облило грязью из лужи, водитель тут же остановился, извинился и предложил довезти до дома. Потом... тот же стол и эта клетка.

– Ты давно здесь? – просипела я, горло нещадно першило.

– Почти неделю, если я верно считала светлое время суток, – ошарашила меня Василиса.

– Господи, только не это, – всхлипнула я от ужаса, а потом шепнула мольбу небесам: – Я хочу умереть...

– Совсем не веришь в спасение? – с трудом ворочая языком, спросила Василиса.

– В глухой и заброшенной деревне нас никто не найдет. Не услышит. Не спасет! – глотая слезы, от которых щиплет разбитое лицо, прохрипела я печальную правду. – Поэтому единственная мечта – быстрая смерть, чтобы не мучиться.

– Везет же... можешь позволить себе умереть...

Странное замечание, мне пришлось напрячься, чтобы спросить:

– Согласна, здесь собирают сплошных «везучих». А что тебе умереть мешает, кроме отличного здоровья, раз неделю продержалась?

Василиса долго молчала, я уже подумала, что она провалилась в беспамятство или того хуже. Но зловещую тишину подземелья нарушил ее вымученный горький голос:

– Я проклята богами! Как только умру, меня вернут в прежний мир, чтобы исполнить предначертанное высшими. А я не хочу, понимаешь? Не хочу обратно!

– Значит, брежу, – выдохнула я грустно.

А жаль, поговорить даже с такой же несчастной, как я, стало бы облегчением душе. С нормальным человеком побыть, а не наедине с маньяком-садистом – это же, оказывается, такое счастье. Пусть и перед смертью.

На этот раз мой «бред» возразил, вернее, выдохнул:

– Если бы...

Разомкнув веки, я попыталась взглянуть в сумрак соседней клетки, чтобы внимательнее рассмотреть за прутьями собеседницу. Может, это у нее бред? И содрогнулась от ужаса: что же с ней делал этот выродок, как она вообще еще в состоянии говорить? Хотя тот же вопрос и ко мне относится. Пить хочется невероятно, язык опух, горло печет от сухости и многочасовых криков, слова я буквально выталкивала. Заплывшие щелочки глаз «отбивной» горели странным, неестественным светом, но от него не становилось хуже или страшнее. Этот свет... притягивает. В мою голову ворвалась страшная мысль:

– Ты из рая или ада?

Соседка булькнула и пустила кровавый «насмешливый» пузырь. Помолчав и собравшись с силами, она начала медленно говорить:

– Мир, который я покинула, называется Игая, а звезда, согревающая его, – Сол, как ваши Земля и Солнце, но в другой реальности. Игая развивалась иначе, боги для нее приготовили другой путь, там люди не вершина эволюции, ее населяет множество и других разумных существ. Там есть магия, как в ваших сказках.

Каждое слово я ждала с нетерпением, настолько невероятным был рассказ, даже сипло помечтала:

– Эх, была бы у меня магия, я бы тогда ух...

- Что «ух»? – снова булькнула Василиса.

- Сбежала бы, привела полицию и...

- Земля практически пустая, магии с гулькин нос. По сути, я светлый маг, на Игае обладала сильными способностями, а здесь всего лишь слабенький целитель, благодаря чему еще жива. Но, как видишь, сбежать не удалось. По-настоящему светлый не может целенаправленно убить, иначе сойдет с ума или впустит в душу тьму. Я и так проклята, поэтому приходится выбирать: либо эта клетка и муки, чтобы сохранить свет души, либо...

- Страшный выбор, – выдохнула я.

Мы немного помолчали, а потом Василиса неожиданно похвалила:

- Твоя суть не менее светлая, чем моя. Если бы ты оказалась на Игае, могла бы стать магом.

- Было бы здорово посмотреть другой мир и обладать магией, – сделав осторожный вдох, шепнула я, легкие горят, про сломанные ребра страшно подумать. – Там, наверное, какие-нибудь прекрасные эльфы живут, тролли или хоббиты...

- Нет, хоббитов точно нет, – проскрипела светлая мученица. – Но многие персонажи ваших сказок, вполне возможно, списаны с нечаянных попаданцев из моего мира.

- Таких, как ты?

Василиса долго молчала, я слышала, как она дышит мелкими глоточками, явно собираясь с силами.

- Нет, я не попаданка, а проклята богами и рождена на Земле в обычной русской семье. Но мне сохранили память о трех прошлых жизнях. Именно эта память – мое проклятие...

Разочарованно вздохнув, я прикрыла глаза. Похоже, девушка – шизофреничка. Сумасшедшие часто себя Наполеонами считают, инопланетян видят, по мирам путешествуют, и голоса у них в голове. Или на почве издевательств умом тронулась, бедняжка. Но поддержать беседу и нечаянную соседку по подвалу надо, поэтому едва слышно спросила, экономя силы и воздух в легких:

– За что тебя прокляли?

Молчание длилось в этот раз очень долго, то ли Василиса с силами собиралась, то ли отключилась. Наконец я услышала ее шепот, почти как сквозняк, донесший до меня горечь, стыд, душевную боль и отчаянный страх перед будущим:

– Магия на Игае темная и светлая. Кто-то наследует одну, кто-то – другую. В зависимости от расы. Мы – эльфы, дети природы, с рождения светлые. Чем древнее род, тем сильнее в нас магия и больше света. Моя семья одна из самых древних. До проклятия я всей душой верила, что придет время и я встречу свою половинку – красивого, доброго мужчину из числа соплеменников и будет у меня счастливая жизнь, как в сказках. А оказалось...

– Что сказок не бывает? – с сочувствием подсказала я.

Первый и единственный мужчина в моей жизни, постели и в сердце – Андрей. Невысокий, но крепкий и сильный. Он покорила меня не с первого взгляда, а настойчивыми, упорными ухаживаниями, благородством и добрым нравом. С Андреем было легко и хорошо, мы отлично понимали друг друга. Три года встречались, потом, по окончании университета, поженились. Стоя в ЗАГСе в белом платье и слушая торжественную речь регистратора, мне тоже казалось, что вот она – моя счастливая, прекрасная сказка.

Потом быт и совместная жизнь довольно быстро разрушили сказку. Как-то неожиданно оказалось, что мы разные, наши мечты, предпочтения и даже ритм жизни тоже разные. Сова и жаворонок – не пара, увы, не пара. И, как выяснилось, не так уж сильно мы любим друг друга. Нам очень повезло расстаться друзьями, без обид и взаимных обвинений, потому что, как ни удивительно, по-прежнему уважали, ценили и вполне нормально относились друг к другу. Я и в кафе отмечала не столько развод, сколько начало новой жизни, на удачу, так сказать. Ведь когда у тебя все есть – квартира, машина, любящая семья, добрые друзья и даже лучший бывший муж, а тебе всего

двадцать шесть и ты недурна собой, будущее видится в самых радужных тонах.

Но, похоже, мы с подругами мало выпили за мою удачу!

– Да-а... – прошелестел горький ответ Василисы. – Сказок в жизни не бывает. Тогда я еще не знала, что на Игае все предопределено: боги и магия вершат чужие судьбы. Нет выбора! Ты обречен с самого рождения!

– Почти как у нас на Земле, – каркнула я устало.

– Глупая, ты даже не представляешь, как ошибаешься. У вас нет магии, нет ее связующих нитей, нет предопределения, вы свободны. Неважно, в какой семье ты родился, когда нет магии, а значит – изначально вы равны. Трудись и чего-нибудь добьешься. Не нужны целители, ведь есть медицина, технологии, наука. Даже без дара целителя я могу стать врачом, спасать жизни, помогать людям, животным, всему миру. Вы абсолютно свободны, только пожелай – и любой путь откроется перед тобой, если ты готов вступить на него и работать...

От волнения и восторженной запальчивости, с которой «бывшая эльфийка» говорила про Землю, ее накрыл кашель, мучительный, от которого ее изувеченное тело содрогалось несколько минут. Даже смотреть на нее было больно, ведь я и сама корчусь в не намного лучшем состоянии. Наконец, спустя минут десять, я услышала, хотя, скорее, вновь ощутила «сквозняк», который продолжил грустную сказку:

– В той, первой, жизни, с которой все началось, мне только исполнилась сотня. Для эльфов – юность, в это время не ищут любви навек, лишь мечтают обрести в будущем, далеком будущем. А я обрела суженого, которому должна подарить потомство. На Игае есть такие малочисленные расы, где все мальчики рождаются с темным даром. В них так много тьмы, что, только смешавшись со светом, можно получить потомство. И уровень магического дара должен хоть немного совпадать. Представь мой ужас, когда темный объявил меня суженой. Боги тщательно следят за соблюдением равновесия, а магия сама тянется к своей идеальной паре. Мой свет оказался идеальной парой чужой тьме. Когда это подтвердилось, мне захотелось умереть.

– Твой избранник такой жуткий? Тоже садист? – шепнула я, неожиданно проникаясь этой невероятной историей, возможно, бредом сумасшедшей, но

почему-то было жаль ту эльфийку, обманутую в мечтах.

Василиса помолчала, рвано, со стоном вздохнула и продолжила:

– Какая разница, как он выглядит и как себя ведет, главное, что у него внутри. Он темный – этим все сказано. Мои предки тысячами презирали темных, приумножали Свет. О подобных союзах с темными я лишь слышала, и всегда это считалось чем-то страшным, омерзительным. А мой суженый... Внутри у него не просто тьма, а самый беспросветный мрак.

– Демон, что ли? – предположила я.

– Если сравнивать с земными сказками, в чем-то похоже, – измученно согласилась Василиса.

Мое лицо опять зашипало от слез. Как же болит все тело. Разговор немного отвлекал, дарил капельку покоя и забвения от мук. Хотя говорить было нестерпимо больно, каждый вдох давался с трудом:

– Суженый – демон... Согласна, жутковатая судьба. А разорвать связь можно?

С кровавой пеной у рта Василиса горько призналась:

– Тогда я решила, что можно. Чего проще – умереть, а потом возродиться снова, обрести новую судьбу и сменить суженого. Главное, сохранить свой свет и душу, не испачкаться тьмой. Приняв это решение, я выбросилась из окна горного замка. Умирать было нестрашно, в тот момент я шагала из окна к свободе и свету.

– А потом?

– А потом... я вновь возродилась, прожила сто лет, но оказалось, что избранник тот же. В отличие от меня, он помнил нашу прошлую встречу. И ощутил... почувствовал, что магия суженой та же. В этот раз он не был благодушен и любезен, но старательно пытался меня «присвоить», не сломав и не потушив мой свет.

– Ты снова решила умереть? – я догадалась о грустном и дала передышку Василисе.

– Да. Приняла смертельный для любого эльфа яд и вновь отправилась на перерождение. И вот, спустя очередную сотню лет, – новая встреча. Он пытался, честно пытался быть добрым, в чем-то ломал себя и подражал светлым. Но тьма не может измениться, а он – средоточие мрака, суть его. Жесткий до жестокости, бескомпромиссный, ледяной. Я тоже пыталась, искренне пыталась принять свою судьбу и выбранного мне богами суженого, но не смогла. – Василиса горестно всхлипнула. – Эльфы – древнейшие враги тьмы, мы выпитываем ненависть к темным с молоком матери, она передается по крови, генетически. Закипает яростью, стоит лишь ощутить эманации темного. Для нормального существования суженых необходимо полное принятие, которого во мне нет и не могло быть. Мне даже в одной комнате с ним было мерзко находиться, терзалась, словно под кожу запустили сотню пауков. От силы его тьмы у меня частенько носом шла кровь и нещадно рвало. И я чувствовала, ощущала, что он тоже ломал себя, не было в нем ни капельки любви ко мне, принятия, которое необходимо обоим в паре. Под конец он уже ненавидел меня, ведь я и в третий раз предала его, предпочла ему смерть.

– Мне жаль вас обоих, – шепнула я искренне. – Это он тебя проклял?

Собеседница молчала, но мне показалось, не столько собираясь с силами, сколько с мыслями. Ее глаза светились все ярче, показывая, насколько она взволнована.

– Нет, боги наказали. За то, что я и в третий раз отказалась от их «подарка», нарушила магическое равновесие и баланс, ведь без тьмы не бывает света, а я не захотела понять этой истины. Поэтому мне не позволили переродиться эльфом, отправили в качестве наказания на Землю, в этот, по их мнению, пустой мир. А чтобы наказание было совсем уж суровым, сохранили память о трех предыдущих жизнях, чтобы в полной мере прониклась. Но стоит мне здесь умереть, я вернусь обратно на Игаю. Светлый дар, который хранит моя душа, вернется в свою реальность. Я уверена, вновь все повторится, ведь мрак все еще ждет свою светлую суженую. И не просто ждет – помнит о прежних встречах... ненавидит...

– А если отказаться от дара вам обоим? Тогда и навязанная богами связь исчезнет, – предложила я.

Василиса нечаянно шевельнулась, и подвал огласил мучительный стон боли. Она отдышалась мелкими глоточками и ответила:

– Большинство темных имеют вторую сущность, поэтому отказ от дара тьмы – это потеря не только магии, но и сути. Представляешь, как надо отчаяться, чтобы лишиться не только магии, которая тебя с кем-то связывает, но и большей части себя? Это как ослепнуть, оглохнуть и остаться без рук. На подобный шаг можно решиться только на пределе отчаяния. Темные сами по себе до предела упертые, сильные, настойчивые. Для достижения цели они идут до конца, чего бы это ни стоило. Тьма – абсолютная собственница, если что сочла своим, не выпустит. Так что отказаться от тьмы... проще умереть. И по этой же причине, я уверена, от моего света она тоже не откажется, дождется обязательно – мы живем слишком долго.

– Понятно, а т-ты? Т-ты можешь отказаться от светлого дара? – от охватившего меня холода, внешнего и внутреннего, я клацала зубами.

Сияние Василисиных глаз стало каким-то нереальным. Я уже почти верила ей, когда она шептала:

– Нельзя отказаться от благодати, ее можно передать, передоверить другой душе, не менее светлой и сильной. Ошибешься – и свет выжжет недостойного или слабого. Тогда погибнут обе души: моя и того, кто не справился.

– И ты ни разу не находила равную себе? – удивилась я.

Неужели на Земле не нашлось достойных людей? Да бред же, хотя все, о чем мы сейчас говорили, тоже казалось мне бредом. Какие-то темные, демоны, суженые, эльфы, магический мир Игая...

– Нашла здесь, в твоём лице! – огорошила меня Василиса. – Даже сейчас твоя душа сияет, в ней нет ненависти к тому, кто пытал тебя двое суток. Ты сожалеешь, что, вероятно, никогда не увидишь родных, друзей и даже мужа, который ушел...

Я торопливо заступилась за бывшего:

– Мы вместе решили расстаться, Андрей – хороший человек, просто мы ошиблись, приняли страсть и дружбу за любовь.

Мне вообще-то везло на хороших людей: умных, порядочных, преданных родным и делу. Если бы не маньяк, я уверена, мы бы с Андреем сохранили если не дружеские, то вполне добрые, приятельские отношения, как не сомневаюсь, что он вместе с друзьями и родителями уже роет землю, чтобы найти меня. Но они ищут в городе, вряд ли кому-то придет в голову, что маньяк, уже три года держащий в напряжении полицию и горожан, сразу увозит свои жертвы в глухомань, в заброшенную деревню. И уже здесь, не торопясь, режет их на куски, заставляет мечтать о смерти как о высшей благодати.

– Да, – твердо шепнула Василиса, – твоя душа точно выдержит мой дар. Если бы ты согласилась его принять...

– Неужели тебе не жалко расставаться с магией, со светлым, родным миром, где остались твои родные и близкие эльфы? Остались? Вы же долго живете? Неужели не тянет вернуться домой, где, возможно, живут драконы, бродят тролли и порхают сказочные феечки. Наверное, Игая – красивый мир, я бы хотела на него посмотреть... и родителей тоже хоть разок бы увидеть хотела, попрощаться... – По щекам побежали обжигающие слезы, затем я уже совсем тихо добавила: – Может, с темным в паре у тебя все сложится. При хорошей жене и муж может стать человеком. Ведь он нормально к тебе относился во время встреч...

Скрипучий смех Василисы даже у меня вызвал приступ боли в ребрах. Как она терпит? А потом тишину нарушил ее горький, словно пепел, голос:

– Вы, не наделенные магией люди, считаете, что она решает все. Боги тоже так считали, когда отправили меня на Землю в наказание. Но ваш мир прекрасен и свободен! Я здесь вольная птица. Могу стать борцом за свободу, святой, могу возглавить целую страну – и все это без толики магии. В отличие от темных, отказавшись от дара, я не потеряю свет своей души. Останусь собой. Переродившись вновь на Земле, я буду распоряжаться жизнью как захочу, моя судьба будет в моих руках. А Игая, теперь я знаю, – это мир предопределения: родившегося там ждет путь, на который хватит магии, а в случае ее избытка, как у меня, за тебя все решат боги. Самое кошмарное – помнить прошлые жизни и вновь повторять свой страшный путь во мрак.

– Вась, – сократила я ее имя, – ты уверена, что вернешься на Игаю? Ведь тебя могли насовсем к нам забросить, с концами. Или тебе боги прямым текстом озвучили наказ: вот как намучаешься, настрадаешься – исправляйся и вперед, в темный ЗАГС...

Она горестно хмыкнула:

– По моим воспоминаниям, да, я больше чем уверена. Это у вас нет магии, боги не вмешиваются, а наши просто так никогда ничего не делают. Все с дальним умыслом. Даже если я ошиблась, все равно не готова рисковать и надеяться на призрачное чудо. Я помню... знаю, что сказок не бывает!

– То есть, родившись снова на Игае, ты будешь все помнить? – уточнила я.

– Не знаю... – Снова ее сиплое дыхание, а потом честный ответ: – Родившись на Земле, я сохранила прежнюю личность. Боюсь, проклятие памяти привязано к дару и, переродившись на Игае, тоже останусь «личностью», а главные вехи прошлых жизней будут и дальше преследовать, как кошмары. Не полностью, самое главное, но и этого хватит, чтобы было мучительно страшно снова умереть.

– Мне очень жаль... – выдохнула я, сочувствуя. – А мне, наоборот, жутко прожить еще день. Даже ради родных. Просто нет сил даже шевельнуться. Если этот садист вернется, я точно сойду с ума. Вновь переносить ужас и боль, терпеть страдания... Что может быть хуже?

– Вернуться к темному, – прошелестел ее ответ.

Я посмотрела на Василису: полуживая «отбивная», которая борется за каждый глоток жизни, лишь бы не «испачкаться» тьмой. Я почти сошла с ума за двое суток, а она неделю терпит. Неужели это того стоит? А если все ее сказки – правда, то новая жизнь, новый мир, магия... причем сохранится моя личность – это же как второй шанс, свобода от боли, от маньяка. Простите, родные, за мою слабость, но, думаю, вы поймете...

– Я дурная, оскверняю свет и душу, но не могу быть с темным. Лера, Лерочка, умоляю, дай мне шанс остаться на Земле, – всхлипнула в истерике Василиса. – Вы, земляне, другие; возможно, Игая станет для тебя той самой сказкой наяву, а

темный – другом. Клянусь, я не толкаю тебя в ад, а предлагаю иную жизнь. Если примешь мой дар сейчас – мы обе умрем быстро и безболезненно. А потом ты возродишься на Игае, получишь жизнь, о которой мечтаешь.

Про любовь с темным она даже не заикнулась. Конечно, подобная фантастика ей даже в самых смелых мечтах привидеться не могла. Светлая эльфийка в прошлом, а ныне недобитая русская мечтательница сохраняет чистоту и честность намерений до последнего.

– Хорошо, согласна, – выдохнула я устало.

У меня лопнула губа, в рот попала теплая соленая кровь, но во мне зрело ощущение, что все вокруг нереальное. Бредовое. Кажется, я все же не сдюжила и сошла с ума. Но стоило заскрипеть и хлопнуть входной двери, загрохотать тяжелым шагам над головой, как я совершила немыслимое: со стоном преодолевая боль, почти теряя сознание, подвинулась ближе к решетке и, просунув руку сквозь прутья, раскрыла ладонь. Даже если все бред, почему бы не поддержать подругу по несчастью? Коснуться хорошего человека в последний раз.

Ледяная Василисина рука в запекшейся крови, с изуродованными пальцами накрыла мою. Она зашептала что-то на чужом языке, явно преодолевая боль. Ее сияющий взгляд разгорался все сильнее и метался от моего лица к скрипучей лестнице, по которой в подпол медленно спускался наш общий кошмар. Когда черный ботинок ступил на пол, Василиса с огромным напряжением и вместе с тем невыразимым облегчением спросила у меня, поймав мой взгляд:

– Принимаешь ли ты мой дар, светлая?

– Принимаю, – устало ответила я, больше ни во что не веря, содрогаясь от ужаса и оборачиваясь к открывающему замок моей клетки садисту.

Вдруг у меня в груди словно бомба взорвалась, раздирая и обжигая внутренности, заставляя зайтись в безмолвном крике и выгнуться дугой, а глаза ослепил яркий свет. В следующий момент я медленно погрузилась во тьму под радостную Василисину благодарность, не то ощущаемую кожей, не то все-таки расслышанную, прозвучавшую словно из другой реальности:

– Мы обе свободны! Спасибо тебе, надеюсь, ты тоже будешь счастлива...

На краешке сознания трепыхнулся вопрос: куда же я снова вляпалась? Больше я не ощущала своего тела, стало так легко и свободно, что душа воспарила от счастья. Жаль лишь одного: я не успела попрощаться с родными, пусть они простят...

Глава 1

Пустота. Невесомость. Где-то капает вода... Знакомый, действующий на нервы звук выдернул меня из небытия. Казалось бы, что может быть такого жуткого в «кап-кап-кап», но именно этот монотонный, надоедливый звук вернул мне способность чувствовать, мыслить, бояться пугающей неизвестности. Ритм ускорился, и я с невероятным облегчением поняла: это не вода. Так стучит сердце!

Мое?

Нет. Слишком далеко и вразнобой. Так стучит множество больших сердец с разным ритмом, а главное – звуки как будто приближаются, становятся более отчетливыми. Я невольно заслушалась этим биением: одно стучит размеренно и тихо; другое трепещет, быстро и мелко, не пугливо, нет, просто в собственном ритме; третье бьется словно через раз. В этом непонятном состоянии пустоты и невесомости, когда ничего не видно, когда лишь чувствуешь, я слышу... десятки чужих сердец. Их грохот нарастает, оглушает, угнетает и, кажется, призывает меня откликнуться, дотянуться... Как? Душой? Выбрать свой ритм?

Из всего этого множества отклик у меня вызывали два ритма. Один – как обещание защиты и радости, безмятежный, спокойный, будто родной отец встречает блудную дочь и хочет немного пожурить, но принять под родительское крыло. Второй – сильный, уверенный, громкий, но явно взволнованный, этот ритм ускорился, словно кто-то испытывал тревогу, волнение, боль. Он не просил меня откликнуться, но моя душа невольно потянулась к нему, чувствуя тревогу и сердечную боль. И в тот же миг этот ритм зазвучал громче, заглушая остальные, захватывая, как прекрасная музыка, вовлекая в свои чувства, настраивая нас на одну волну. А первый, спокойный,

начал затихать, как и другие, мне показалось, сожалея о моем выборе, сетуя на тревожного собрата, который увлек меня за собой.

Я неожиданно подумала: «Василиса не права, выбор есть всегда!» Следом за этой странной мыслью пустота и невесомость исчезли, в ушах еще стоял оглушающий, взволнованно-нервный стук чужого сердца – а я осознала, что у меня наконец появились ощущения: тепло и влажно снизу, следом по телу прошелся легкий сквознячок, всколыхнув мой собственный сердечный ритм. Ого, значит, у меня есть тело... Глаза обожгло яркой вспышкой, пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть. Фу-ух... отлегло, я пришла в себя от грохота, но на этот раз, помимо биения моего испуганного сердечка, других не услышала, а шум – вполне себе реальный.

Распахнув глаза, я увидела большую, квадратов в двести, пещеру, залитую естественным светом из огромного проема, метрах в двадцати от меня, прямо напротив. Судя по всему, снаружи день в самом разгаре, виднеется голубое небо и даже облака. Кругом вспышки от летающих... шаровых молний? Или что еще может походить на круглые светящиеся сгустки, которыми всю перебрасываются неизвестные мне, скажем, противоборствующие личности.

Чуть присмотревшись, я понимаю, что десятке бойцов, похожих на таинственных ниндзя с катанами наперевес, противостоят двое – мужчина и женщина: нереально красивые, золотоволосые, в дорогих нарядах с блестящей вышивкой, будто принц и принцесса из волшебной сказки. И бьются они не хуже ниндзя, да еще и с отчаянной решимостью смертников, словно за свое родное дитя.

Я облизнула пересохшие губы и огляделась. Вдоль стен теснятся корзины с большущими, но битыми яйцами в цветных прожилках: красных, синих, золотых и даже изумрудных, как будто кто-то специально бил по ним подряд. А когда увидела окровавленные маленькие человеческие тела, торчащие из-под скорлупы, всхлипнула от ужаса.

В какой ад я вновь попала? Мне же эльфийскую сказку обещали!

Я инстинктивно прикрыла рот рукой, чтобы не издать лишнего звука, не привлечь к себе внимания, но тут мой взгляд упал на собственную ладошку – слишком маленькую, совсем крошечную, как у младенчика. У моей племянки вот такая же ручка: пухленькая, с перетяжками, очаровательно нежными

пальчиками, которыми она все хватает и ищет во рту свои режущиеся зубки.

Какое-то время я изумленно таращилась на свои руки, потом – на коротенькие пухленькие ножки, которые выглядывают из... скорлупы. А попе влажно, потому что сижу в остатках какой-то жижи. Неужели... Недоверчиво я потыкала пальцем в свое толстенькое пузико... без пупка. Странно, а куда он делся?! Сильно наклонившись вниз, убедилась, что я вроде бы самый обычный младенец и, слава всем богам, девочка; заодно с макушки съехала верхушка яйца, из которого я только что... ну да, вылупилась.

А как же эльфы? Василиса же обещала сделать меня прекрасной эльфийкой?

Все тревожные мысли одновременно метнулись на задний план, когда рядом со мной пролетела шаровая молния. Или как их там в фэнтези называли – файербол? Я испуганно оглянулась, прослеживая путь этого, несомненно, опасного энергетического сгустка, и увидела огромный светящийся валун странной формы, походящей на сердце. Словно чье-то гигантское окаменевшее сердце, не пульсирующее, как живое, а испускающее мягкое, приятное глазам, даже родное сияние. Стоило мне увидеть этот странный валун, где-то на периферии сознания возник знакомый сердечный ритм, тот самый, тревожный, увлекший за собой из пустоты. Так, может, именно оно, светящееся сердце, привело меня сюда? Еще бы знать, куда конкретно привело, но явно не к маме эльфийке, у которой я должна была родиться-переродиться.

Собственно, вокруг каменного сердца на отполированных временем камнях и были расставлены корзины с яйцами. И практически все эти цветные колыбели кто-то жестоко, самым варварским способом уничтожил. Я старалась скользить взглядом по скорлупе, не заострять внимания на содержимом, опасаясь сойти с ума или удариться в панику. Ведь это, выходит, убили подобных мне! Мама!.. К счастью, помимо меня самой, целыми и живыми остались еще два яйца, лежащие прямо рядом с моей корзиной. Видимо, золотая пара, принц с принцессой, успела в последний момент спасти нас!

Я неожиданно ощутила живой отклик от обитателя яйца с ярко-синими прожилками. Там здоровенький малыш, просто ждет положенного времени, чтобы вылупиться, и не знает о творящемся здесь безумии. Второе яйцо, чуть поменьше, покрытое серенькими пятнышками, оказалось с пугающей трещиной от купола почти до основания. Опять непонятно как, но я ощутила, что младенец в треснувшем яйце еще жив, хоть и чувствует себя не очень хорошо.

Тем временем золотая пара, особенно мужчина, будто смертоносный смерч разили людей в черном, трупы падали на пол, но файерболы моих защитников – я не сомневалась, что именно защитников, – становились все менее яркими и редкими. В ход пошли мечи и кулаки. В какой-то момент золотой мужчина, создав светящуюся волну, буквально выдавил из пещеры большую часть нападающих. Дальше раздался дикий, нечеловеческий рев, какой не может исторгнуть даже самая луженая глотка. Гневный, яростный и отчаянный рев громогласным эхом разнесся по округе. Кажется, мы высоко в горах, раз настолько мощное эхо. В проеме мелькнуло что-то золотистое, стремительное, очень-очень большое. Мелькнуло и пропало, а следом продолжились звуки борьбы.

Молодая женщина билась с тремя черными ниндзя у входа в пещеру, вертелась волчком, чтобы не пустить их сюда, но... надолго ли хватит ее сил? Надо срочно искать пятый угол и прятаться. Потому что исход драки предсказать сложно, вдруг там, снаружи, этих закутанных в черное убийц еще штук сто?

Я с трудом выкарабкалась из скорлупы, ощущая себя тем самым годовалым ребенком, который только-только учится ходить. Голая попа неприятно отвлекала, неловко прямо. Невольно отметила вышитое золотом полотно, которым наверняка с любовью устлали мою корзину. Дальше я скатилась по отполированному боку камня не больше меня высотой. Второй проблемой было встать на свои пухленькие, совсем еще неумелые ножки и оторваться от опоры, чтобы заглянуть в ниши в пещере. Сил хватило на несколько неуверенных шагов, а дальше я уже на четвереньках передвигалась. В первую очередь обползла каменное сердце – светящуюся каменюку, «бывшуюся» в унисон с моим собственным сердцем, только не в наступившем затишье, а где-то в моем сознании.

Со стороны стены в каменном сердце обнаружилась длинная трещина, похожая на пологий лаз, ведущий в глубь светящейся глыбы. Мне почему-то с содроганием подумалось, что раньше это был кровеносный сосуд, питавший живое большое сердце, до сих пор сохранившее способность чувствовать и сопереживать. Я уже было хотела забраться внутрь, чтобы спрятаться от опасности, но вспомнила про оставшиеся целыми яйца. Возможно, будь я всамделишным младенчиком, так бы и сделала, просто по-детски спряталась бы, но, как и обещала бывшая светлая эльфийка, «личность» я сохранила. Что мне еще от той проклятой несчастной досталось, узнаю потом. Если выживу.

Обратно к яйцам я ползла быстрее, хоть и нахватала царапин и синяков. Проблему переноса груза с себя ростом, решила быстро – скатила по «проторенному пути» корзину прямо с яйцом. Страшно было, вдруг уроню. Следом так же и серое, надтреснутое яйцо отправила вниз. Но тянуть сразу обе корзины силенок не хватило, поэтому возилась с ними по очереди. Первым по желобу-сосуду отправился «синий» младенец.

Когда я, собираясь с силами, взялась за вторую корзину, в пещеру проникли четверо ниндзя, а следом практически залетел золотой ураган, именно так мне с перепугу показалось. Ведь залетало что-то огромное, а потом мгновение – и бежит золотоволосая красавица с шаровой молнией в руках. Она лишь на миг остановилась, коснувшись взглядом того места, где стояла моя корзина, ее красивые, пылающие золотом глаза в ужасе распахнулись, словно случилось самое страшное, но затем она увидела меня, выглядывающую из-за камня. И по ее дичайшему облегчению, затопившему чудесные глаза, я догадалась, они с мужчиной бьются именно за меня. Я – их ребенок!

Миг узнавания, принятия, материнской радости – а дальше мама ринулась на врагов, словно у нее открылось второе дыхание. Я не могла просто наблюдать и медлить и потащила второе яйцо, в серую крапинку, в укромное место. Я протащила его всего полпути, когда горное эхо донесло крик умирающего животного, словно оно прощалось с кем-то. Моя блестящая защитница тоскливо закричала в ответ, ее надрывный вой шел из самой глубины души, словно в эту минуту она теряла большую часть себя. Вырывала собственное сердце. Наверное, с удесятеренной яростью силой она сияющей волной вновь смогла вытолкнуть убийц из пещеры. В последний момент обернулась, окинула меня щемяще теплым, тоскливым взглядом и крикнула:

– Алера, помни, доченька, мы с папой любим тебя! Где бы не были! Это была микуда...

Я осталась наедине с трупами, уничтоженными яйцами, памятью о прошлом, с нынешним горем-бедой, но упорно тянула корзину с живым серым яйцом, в душе содрогаясь, осознав наконец весь ужас положения. Вокруг не выдумки, не сказка, не знаю, попала ли я на Игаю, но мой ад продолжается. Только теперь я не взрослый, самостоятельный человек, а свежавылупившийся младенец с голой попой, перетяжечками, неумелыми ручками-ножками, с личностью взрослого и посреди кошмара, не меньшего, чем тот, от которого сбежала.

Корзины в сердечный сосуд-желоб не пролезли, пришлось закатывать яйца по одному наверх, особенно осторожно возилась с серым. Но стоило шлепнуться на попку и выдохнуть от облегчения, как в поле зрения возник ниндзя. Я затаила дыхание, глядя, как он, оглядываясь по сторонам, прошел в мой закуток и, остановившись, пнул корзины пыльным сапогом. Грохот каменного сердца, в котором мы спрятались, звучавший на задворках моего сознания, усилился. Мне показалось, так бывает, когда родитель боится за детей... А в следующий миг черная, страшная фигура резко обернулась, слегка нагнулась – и вперилась прямо в меня. Желоб нас хоть и скрывал от любопытных, но в щель меня можно было увидеть.

Я испуганно обняла яйца, увидев, что черные глаза убийцы вспыхнули злостью, а моя душа свалилась в пятки. Пара стремительных шагов – и в нас полетел кинжал. Я не думала, ничего не делала, даже осознавала происходящее с запозданием, просто внутри у меня все вспыхнуло от желания защитить себя и спасенные яйца. Ведь я успела рассмотреть обитателей битых яиц, которым не дали шанса появиться на свет, убили, уничтожили чью-то надежду, детей, любовь. А с этими я уже сроднилась, ведь столько сил вложила, пока прятала.

Мои внутренности обожгло, а вырвавшийся откуда-то свет ослепил убийцу, следом и камень, скрывший нас, словно пробудился и выплеснул всю накопленную боль за загубленные детские жизни. Силовая волна прошла сквозь меня и, вырвавшись из груди, ударила в убийцу, который опять хотел поразить нас кинжалом. Ниндзя отлетел на пару метров и мощно впечатался в стену, так что пещера содрогнулась.

От страха я закричала, закричала «уа-уа-уа», как самый настоящий младенец, – и резко замолчала. Сначала я, а затем и с величайшим трудом привставший убийца обернулись в сторону выхода из пещеры, там, похоже, прибыла подмога, только вот к кому – не видно. Приходилось ориентироваться на звуки. Вдруг горы содрогнулись, кажется, от сотен разъяренных звериных глоток. Убийца, оставив нас в покое, со стоном поднялся – похоже, ребра ударом ему основательно переломало – и поковылял прочь. Вряд ли ему удалось убраться из ловушки – через мгновение я услышала шум борьбы и весьма характерные звуки, издаваемые умирающими. Уж я-то теперь знаю, как это бывает.

Пещера наполнилась криками горя, ярости и боли, надо думать, родителей детей, которым была не судьба вылупиться. Но я по-прежнему молчала – боялась дать знать о себе. Все ждала, надеялась, что вернется та красивая, золотая,

молодая женщина, моя новая мама. И заберет меня из этого кошмара. Нас с яйцами. Там, за углом, было очень многолюдно и шумно, а здесь время словно застыло. И я поняла: не придут ни она, ни он.

Почему-то именно сейчас, когда по пещере разливается чужое горе, вспомнились ее слова: «Алера, помни, доченька, мы с папой любим тебя! Где бы не были!»

Слезы сами собой потекли по щекам, я дернула к себе родную бело-золотую пеленочку и закуталась в нее. Да, это будет первым памятным событием в моей новой жизни. Меня накрыло тоской и одиночеством, только лишилась одной семьи и сразу второй. Это наказание богов? Выверты судьбы или проклятие?

Если я поняла прощальные слова золотой мамы, значит – помню чужой язык, чей бы он ни был. Значит, есть надежда, что попала я все же на Игаю. Хотелось бы верить, что родина Василисы не похожа на ад. Тем более личность у меня осталась своя, родная, а о новом мире я ничего не знаю, даже родителей, не успев обрести, потеряла. Как же так? Неужели, как она сказала, новая память вытеснит старую, оставив лишь главные вехи? Видимо, для защиты психики «новорожденного».

«Синий» младенец стукнул изнутри в скорлупу, отвлекая меня от безнадеги и страданий, я сразу приложила к этому месту ладошку в ответ, делясь с ним душевным теплом, надеясь, что он поймет – рядом родные люди. Или не люди? Кто я такая, еще предстоит выяснить, но не эльфийка, сомнений почти не осталось. Про эльфов из яйца ни разу не слышала, только если из киндер-сюрприза. На языке, как нечаянный отголосок памяти, появился вкус шоколадки. Эх, как кушать хочется!

Обитатель синего яйца успокоился; я проверила серого, тоже приложила ладошку и прислушалась: пугающе слабое сердцебиение! Я обеспокоенно потянулась к пострадавшему яйцу и, обняв, приложила к нему ухо, заодно «поделилась» теплом и радостью, что живы трое. Удивительно, но, в отличие от сытого «синего», «серый» младенец неожиданно потянул из меня энергию. Я физически ощутила это, и каменное сердце опять поддержало меня. Я чувствовала себя связующим звеном между «серым» и чьей-то поддержкой извне. И – о чудо! – трещина на скорлупе чуть-чуть уменьшилась. Я догадалась, что плохое состояние младенчика напрямую зависит от этой трещины. Может, он через нее энергию теряет? Правильно, надо чаще с ним делиться и

«обниматься».

Не успела я порадоваться хорошим новостям, как передо мной, вернее, в нашем закутке, возник очередной незнакомец и замер у наших корзин. Крупный, крепкий, высокий, про таких говорят – основательный. Лет, наверное, тридцати. С темно-синими волосами, заплетенными в тугую сложную косу, спускающуюся ниже пояса. Наряд на нем тоже сложный: приталенный, идеально сидящий на прекрасной атлетической фигуре, расшитый черной нитью темно-синий кафтан с высоким воротом и штаны, заправленные в высокие сапоги.

Мужчина взял из корзины синюю пеленку, судорожно сжал ее в руках и стремительно оглядел пространство. И не сразу, совершенно нечаянно, заметил меня, глазающую на него, затаив дыхание. Осознав, что увидел, мужчина перевел взгляд на яйцо с синими крапинками-прожилками. А я поподробнее рассмотрела его. Красивый! Аж дух захватывает. Глаза синие-синие, как сапфиры. Но восторгалась я этим красавчиком странным образом, по-детски, как красивым персонажем из сказки, отчего неожиданно пришла в замешательство.

Увидев целое синее яйцо, синеглазый красавец вздрогнул всем телом, словно из него вышибли дух. Казалось, он не поверил своим глазам. Медленно шагнул ко мне, вновь нагнулся и протянул руку явно с намерением забрать это яйцо. Дальнейшее произошло, наверное, инстинктивно, потому что отдать спасенные мной яйца – да никогда и ни за что! Вдруг зарывав, я накрыла яйца ладошками, всем своим видом давая понять: «Мое, не дам!» Вдобавок доступ к нам с яйцами закрыла загадочная... пленка, что ли?

Мужчина потряс меня до основания: всхлипнув от умиления и облегчения, осел на пол напротив нас, словно у него ноги подкосились, затем глядел на нас троих, вылупившихся и еще нет, и как блаженный улыбался.

– Фиала, он здесь! – крикнул он, нет, радостно прохрипел.

Несмотря на шум невидимой мне толпы, плакавшей, гомонившей и взывавшей к богам, через несколько секунд в мой закуток ворвалась еще одна красавица. Надо же, их здесь штампуют, что ли, настолько идеальных? Женщина в длинном синем платье с воротничком под горло и фиолетовыми волосами, уложенными короной на голове, сначала подбежала к мужчине и опустилась на корточки, тревожно осматривая его, наверняка выглядевшего странно. Ее спутник с

трепетом указал на нас рукой, как на диво дивное, улыбаясь шальной, счастливой улыбкой.

Женщина обернулась, и я заворожено наблюдала, как в ее огромных фиолетовых, покрасневших от слез глазах страх, боль, паника сменяются сначала изумлением, а затем радостью. Она содрогнулась всем телом от облегчения и, тоже не удержав равновесия, привалилась к плечу спутника. А тот, посмотрев в сторону выхода, строго приказал кому-то, мне невидимому:

- Прибудут серые, проводите сюда. Их, и только их.

- Слушаюсь, - отозвался тихий мужской голос.

Тем временем женщина, собравшись с силами, протянула к нам трясущиеся руки в попытке забрать яйцо, синее. Понятно: передо мной супружеская пара, и яйцо принадлежит им. Только, увы и ах, вновь «защитный экран» сработал, не пропуская даже родительские руки, а как снять его, я не в курсе, не местная, вернее, новорожденная. Шмыгнув носом, я с грустным пониманием смотрела на взволнованную мамочку, которая тщетно пыталась просунуть руку в щель и натыкалась на препятствие.

- Хашер, да что же это такое? - едва не плакала она, сжимая руки на груди, и опять запаниковала: - Арс и Лария погибли, разве может их магия защищать дочь и после смерти? Если это надолго, то что будет с детьми, если мы не сумеем ее разрушить?

Оба супруга, сидя на полу, чтобы быть с нами на одном уровне, с минуту растерянно таращились на нас. Затем Хашер внимательно осмотрел меня. От его выразительных красивых синих глаз не укрылись засохшие следы ссадин и пыли на моих коленках, локтях и ладошках - я их здорово ободрала, экстренно обучаясь ползать, да еще и неподъемные корзинки, равные собственному весу, тягала. Затем он обвел взглядом каменное сердце, которое - даже мне было видно - сияет сейчас, как новогодняя елка. Оглянулся на стену, о которую приложился убийца, оставив на ее пыльной поверхности следы крови и сползающего тела. Снова сжал в кулаке синюю салфетку, или пеленку, которую забрал из брошенной мной корзинки. Скользнул задумчивым взглядом по серому яйцу с трещиной. И наконец хриплым голосом подвел итог:

– Ты ошиблась, моя родная. Охрану яслей убили еще внизу, они даже тревогу поднять не успели. Похоже, Арс и Лария прилетели в последний момент. Видишь, у серого лопнула скорлупа, значит, дейтрини уже были рядом с нашими детьми, когда появились Ашарвисы. Они были в праздничных одеждах, наверное, хотели вернуть свое яйцо в клан, почувствовав, что дочь готова вылупиться со дня на день. Оба золотых погибли, а багровые встретили дейтрини рядом с пещерой, значит, Арс и Лария ценой своей жизни дали нам время, но не они спрятали яйца и дочку сюда. Это не их магия, проверь, она сильнее и древнее, чем можно представить...

Фиала осторожно, не касаясь, провела вдоль защитной пленки ладонью, нахмурила фиолетовые брови, а потом озабоченно посмотрела на нас, улыбнулась и заворковала, прям как я с годовалым племянником когда-то:

– Не бойся, моя маленькая, моя хорошая девочка, не плачь, мы непременно вас вытащим. Все будет хорошо, я рядышком и никому в обиду вас не дам. – Затем она обернулась к мужу и тихонечко спросила в полной растерянности: – Тогда кто же их спас? Кто спрятал малышей?

Хашер посмотрел на жену, на меня, опять на жену и печально, с горьким сожалением ответил:

– Дорогая, спасли наших малышей именно Ашарвисы, Арс и Лария, они подняли тревогу, дали нам время...

– Но ты же сказал, это не их магия и...

Вот значит, как зовут моих золотых родителей: Арс и Лария Ашарвисы, а меня назвали Алерой, наверное, производное от их имен.

Хашер кивнул на меня, поясняя:

– Это она! Похоже, девочка – будущий целитель и под угрозой смерти создала связь с Древним. Теперь сердце Прародителя защищает ее и яйца. Пока не созреют оба, не допустит посторонних. Видишь, скорлупа у серого повреждена?

– Да... – печально выдохнула Фиала.

– Почти уверен, Прародитель питает яйца и ребенка. Когда малыши вылупятся, он выпустит всех троих.

Фиала ошарашенно посмотрела на мужа, перевела взгляд на меня, пробежалась глазами по «местам боевой славы», которые недавно исследовал ее муж. И наконец, словно не веря самой себе, уточнила:

– Ты полагаешь, что это только что вылупившееся дитя затащило их сюда? И смогло пробудить сердце древнего дракона... и... но как? Я думаю, это золотые как-то...

Я не менее ошарашенно уставилась на Фиалу, мысленно воскликнув: «Древний дракон? Вы не шутите? Это что значит: и мы драконы? Я? А как же обещанные мне эльфы? Это что получается? Я как-то программу Василисиного проклятья нарушила? Ох, а что теперь будет с темным суженым? Со мной?»

Хашер по-настоящему теплым, искренним, даже отеческим взглядом смотрел на меня, беспомощно сидящую на попе, шмыгающую носом, в слезах и соплях. Его внимание вновь привлекла пеленка, которую я прижимала к груди, прикрывая свое крохотное тельце. Ласково мне улыбаясь, он пояснил жене:

– Эта девочка – будущая мать, драконица. И тем более целитель, а значит – защитник! В ней дремлет самый древний инстинкт – материнский, а вокруг... – Про уничтоженные яйца с детьми он так и не смог сказать ни слова. – Посмотри на ее ободранные коленки и ручки, я абсолютно уверен, яйца сюда перетащила именно она. Их пытались убить, но пробудился Древний и выбрал ее проводником. Это не ее магия, собственная у малышки спит пока вместе с сущностью.

Все, что я смогла сделать, это покивать головой. Хашер поймет, если такой умный.

– Боги, как же так? – Фиала начала раскачиваться, сморщив лицо, как от боли. – Почему он молчал раньше? Почему не защитил остальных?

Где-то на краю моего сознания вспыхнула почти звериная тоска, боль и сожаление, я поняла: он просто не мог.

И умница Хашер подтвердил:

– Древний без проводника ничего не может, ты об этом должна знать. В мир живых ему пути нет. Видимо, девочка вылупилась прямо во время бойни. Уже под конец... И инстинктивно открылась Прародителю в самый страшный момент, поэтому спаслись лишь трое.

Я опять согласно кивнула, открыла рот, но, во-первых, не знаю слов, хоть и понимаю, что говорят; во-вторых, еще сочтут инопланетянкой или засланцем из иного мира. Если подумать, то какие претензии к маленькой? И прямо сразу захотелось к маме и папе, покушать, обнимашек и утешений. Я так устала, кто бы знал, и больше не хочу умирать и страдать, это дико и больно. Слезы потекли сильнее, сопли тоже. Я уткнулась в пеленку, вдыхая приятный запах. Наверное, так пахли мои родители, отдавшие жизнь за свое дитя. Все, я дичайшим образом устала, легла на бочок и свернулась калачиком между яйцами, но за Хашером и Фиалой одним глазом наблюдала.

Взгляд Фиалы заволокло метался между ее родным яйцом и мной, она явно испытывала желание обнять нас всех и спрятать от всего, как обещала. Такая молодая с виду, а словно моя любимая бабушка, которая готова была под поезд лечь, чтобы уберечь своих близких. Судорожно вздохнув, она все же не выдержала и заплакала тихонечко:

– Бедная моя малышка, родиться сиротой. Арс и Лария... Ашарвисы понесли невосполнимую потерю. Сильные, благородные драконы. Вот в кого девочка! Маленькая защитница!

– Да, Арс был мудрым и сильным драконом, а Лария – нежной и доброй девочкой, как жаль, что прожила слишком мало. Всего сто лет... и смогла подарить миру хранительницу. Некоторые и за тысячу ничего хорошего не могут сделать, а эту пару запомнят на века, – мрачно согласился с ней Хашер.

Фиала подобралась, всем телом подалась к мужу и взмолилась:

– Адара ее кузина и имеет право взять ребенка в семью. Может быть, у нас получится забрать малышку себе? Я стану ей второй, но не менее любящей матерью. Клянусь, они с Тайреном в моем сердце будут равными.

– Я постараюсь уговорить Дамриса, предложу откупные, если потребуется. Любые... – задумался Хашер. – Только почти уверен, он откажется. Арс и Лария не были наследниками клана, но, если кому-то что-то нужно, даже абсолютно бесполезное для Дамриса, он из лап это не выпустит. А тут, вполне возможно, хранительница растет.

– Ну придумай что-нибудь, Хашер, ты же самый умный, самый лучший дракон в Высокогорье. Ей будет лучше с нами, с Тайреном, они же теперь как брат и сестра.

Хашер посмотрел на свою жену таким взглядом, полным любви и желания, что я невольно позавидовала. Я откровенно любовалась этой парой – столько в них тепла и света. Хорошие, очень хорошие и любящие супруги. Почему я не могу отправиться с ними? Словно в ответ на мои мысли, Хашер задумчиво произнес:

– Как проводник Древнего, девочка имеет право сама выбрать род, но несмышленная новорожденная малышка... Я подумаю, что можно сделать...

– Глава, вы просили уведомить о...

– Где мой сын? – чей-то рык оборвал на полуслове невидимого мне подчиненного Хашера.

И в поле моего зрения появилась очередная супружеская пара, даже не знаю почему, но ощущала это самой своей сутью. Еще показалось, что они связаны призрачно-золотистыми нитями. И то, что это серые драконы тоже догадалась: их «расцветка» совпадает с цветом симпатичных пятнышек на втором яйце. Красивые, сероглазые, волосы у женщины густой серебристой волной ниспадают до талии, а у мужчины заплетены в косу и украшены странными штуками, похожими на лезвия. Платье и кафтан благородного темно-серого цвета, с черной вышивкой по подолу и рукавам.

– Боги, Майдаш, наш сыночек жив! – судорожно всхлипнула серая красавица, тоненькая, как тростинка, лет двадцати на вид, а как на самом деле, если моей несчастной мамочке было «лишь» сто лет, еще предстоит узнать.

Девушка опустила на колени и буквально подползла к нам, зажимая рот ладонями, видимо, чтобы не кричать от избытка чувств и нас не пугать.

– Дан Вайлет, кто это сделал? Кто виноват? – обратился к Хашеру, насколько я поняла, Майдаш.

Спросил тихо, но таким зловещим тоном, что я содрогнулась.

– Как только я узнаю кто – будет вечность молить о смерти, – поклялся Хашер.

– Скорлупа треснула, – в ужасе всхлипнула серая женщина. – Небо, мой сын умирает!

– Кло, успокойся, любимая, я чувствую, он еще жив...

– Не пугай мою девочку! – Хашер резко подался вперед и перехватил руку Майдаша, потянувшегося к сосуду-желобу. – Почувствуй магию, сейчас их защищает и питает через малышку сам Древний. Самое страшное позади, им просто нужно время.

Двое мужчин замерли, сверля друг друга взглядами. Наконец серый опустил глаза, но провел вдоль защиты ладонью, проверяя слова Хашера, как это уже делала Фиала. Какое-то время обе женщины молча сидели на коленях у желоба, буквально светясь от радости, и такие же счастливые мужчины стояли позади них. Все вели себя тихо-мирно-умильно, как у кровати со спящим младенцем. Я уже было зевнула и хотела закрыть глаза, но тут раздался крик:

– Я требую сбора Поднебесного Посада! Я требую ответа! Я требую наказать повинных в смерти моих потомков! Я требую показать мне тело праправнучки! Я требую...

– Дамрис, подойди сюда и будь так любезен не орать здесь! – прошипел Хашер.

Через мгновение я увидела красивого стройного мужчину лет сорока, с яркими янтарными глазами, золотисто-пшеничными длинными волосами. Весь... золотой, с головы до пят. Только его взгляд не согревал, а отталкивал. Сноб и гордец!

– Первая чета Вайлет здесь? Живая? – произнес он зло, глядя на Хашера, а потом перевел уничижительный взгляд на серого. – И ты, Майдаш из рода Хлоймит,

правая рука главы и первый палач клана, сам повелитель теней, тоже здесь! А мои внуки лежат внизу, на камнях, подло убитые темными наемниками. Теперь вы протираете хвосты здесь, вместо того чтобы искать убийц...

– Не пугай детей, Дамрис, твоя праправнучка жива. Нам необходимо обсудить важный вопрос, – спокойно отозвался Хашер, показав золотому на меня.

Трое мужчин смотрели на меня по-разному. Синеволосый Хашер – как отец. Серый Майдаш цепким, внимательным взглядом подмечал каждую деталь, похоже, как и Хашер, пытаюсь понять, что и как здесь произошло. А мой биологический прапрадедушка, на вид вполне молодой мужчина, глядел ошеломленно, но не менее внимательно. Затем они отошли от нас, и я слышала лишь негромкое, но злое «бу-бу-бу». Помимо них в пещере раздавалось все больше других голосов, полных страдания и горя, – родители разбирали свою боль.

Глава 2

Потянувшись спросонья, я прислушалась к тихим голосам троих мужчин, к которым за неделю вполне привыкла. Они, как обычно, сидели напротив нас, привалившись к стене, и беседовали. За неделю, прошедшую после побоища, я привыкла и к новым жизненным реалиям, и к тому, что попала в другой мир, и к своему телу годовалого ребенка, и даже к тому, что вокруг сплошные драконы. Я даже к Хашеру и Фиале привыкла, как к родным, практически моим собственным, потому что они, не без моего молчаливого желания, основательно готовились сделать меня «полноправной гражданкой» Синего клана. Вот такие цветные названия у драконьих кланов, насколько я поняла из чужих разговоров.

Я точно попала на Игаю – драконы между собой периодически упоминали это название здешнего мира и еще Сол. Кроме того, Сол является вторым по значимости божеством после Неба для любого дракона. А древние ящеры, прародители драконов и их слуг виверн, занимают третью ступень в божественном пантеоне. И вот в пещере одного из таких мы и находимся.

Приоткрыв глаза и прикинув к серому яйцу, я разглядывала драконов в человеческой ипостаси – мужчин, внутри которых скрываются хищные сущности.

Видимо, мой импозантный дед Дамрис вернулся совсем недавно, как обычно, весь раззолоченный, холеный и предельно аккуратный даже в пещере, и сидит на корточках, чтобы не испачкать белые штаны в пыли. Выражение его лица тоже, как обычно, презрительно-высокомерное. За неделю я убедилась, Дамрис – сноб, гордец, патологическая жадина и вообще вредина. Он тягался даже за ненужное. К примеру, устроил истерику за скорлупу от моего яйца и корзину.

Кто-то из огромной похоронной команды, собранной из представителей сразу нескольких кланов, унес из пещеры древнего божества и мое «наследство», наводя порядок, а золотой глава, якобы нечаянно узнав об этом, долго брызгал слюной и требовал возмещения «непоправимого» ущерба. Из его занудного разбирательства с Хашером выяснилось, что без разрешения Дамриса мою скорлупу и корзину сожгли на погребальном костре вместе с родителями как дань их памяти прямо на площади древнейшего, давно разрушенного Первого гнезда, являющегося самой почитаемой драконьей святыней. Там сожгли тела всех жертв этой бойни, чтобы души детей и моих родителей быстрее отправились на перерождение и вернулись к близким. И ведь мой прадед видел, более того – знал об этом, но лишь после того, как пепел погребального костра остыл, заявился в пещеру и устроил показательные поиски и страдания. Ох, и грохотало потом эхо от злобного звериного рыка, когда главы Синего и Золотого кланов ушли выяснять, кто кому и что должен.

Впрочем, Хашер оказался на редкость спокойным, уравновешенным, мудрым и продуманным драконом, его, собственно, Дамрис тогда вывел из себя. А сейчас они снова беседуют. Хашер и Майдаш разместились прямо на полу, немного мятые, заметно уставшие от недосыпа и навалившихся на них волнений за детей и других забот. Эти двое практически не покидали мой закуток, лишь по крайней необходимости выходили по очереди.

Майдаш – что черт в омуте, с виду ледяной, но, кажется, чуть тронь – и ползет такая жуть... Насколько я поняла, серые – это отдельный вид драконов, или те, кто правит тенями. Они тоже светлые маги, как и все драконы, но ближе к темным, «пограничники». И вот эта серая грань в их характере отлично чувствуется, о чем высказался Дамрис в пылу «беседы».

– Неделя! – практически выплюнул, словно обвинил, глава Золотого клана, и вроде ни к кому конкретно не обращаясь, но косо глянув на Хашера. – Неделя поисков заказчика нападения, а судить некого! Поднебесный Посад ждет! Это немыслимо! Мы платим синим за подпитку яиц древним драконом, платим за

вашу охрану, доверяем вам самое ценное, что есть у каждого дракона, – своих детей. А что взамен? Уничтожено больше тридцати яиц сильных, родовитых драконов, а все поиски впустую. Виноватые так и не найдены!

– Ты обвиняешь в этом синих? – зашипел Хашер, оттолкнувшись от стены и садясь прямо. – Да, это территория моего клана. Да, охраняли мои драконы, но ты сам видел, лично, что все они убиты. Самым жестоким из возможных способов...

– Видел, – тоже прошипел Дамрис. – И по тому, как они погибли, понятно, что убил их кто-то практический свой, тот, от кого они приняли отравленную еду и вино, кого никогда и ни при каких обстоятельствах не заподозрили бы. Так кто мог столь легко подобраться к сторожевому посту яслей? Ведь всем, абсолютно всем известно, что ясли охраняют самые сильные и опытные воины! Те, кто абы кого не подпустят, а тем более – не примут чужую пищу!

– И что? – Хашер вскинул синие брови, подначивая оппонента закончить обвинение.

– А то, что кто-то очень важный или, наоборот, слабый и безобидный, кто-то из твоего клана – предатель и убийца! – сделал вывод Дамрис.

К сожалению, меня терзали те же грустные мысли, хотя было и много других.

– Или кто-то из тех, кто имел абсолютное право зайти в ясли, – неожиданно вклинился в разговор Майдаш.

– Ты бредишь, серый! – раздраженно отмахнулся холеной узкой ладонью Дамрис. – У пары за жизнь рождается не более трех драконят, ни один родитель в здравом уме не убьет свое дитя...

– Да, но ближний круг родителей имеет право навестить яйцо, чтобы еще в процессе формирования поддерживать связь с малышом, усилить своей магией... или навредить. Кто знает, что крутится в головах у других? Может, кто-то из наших детей помешал кому-то, не давал занять желанное место? Ведь выжили всего трое, да и то по чистой случайности. Ашарвисы явно нарушили намерения убийц, решив пораньше забрать свою дочь из яслей, слишком волновались за первенца, а она, еще более неожиданно, унаследовала

несвойственный вашему роду дар целителя и смогла установить связь с Древним. Кто мог такое предугадать? Никто! Похоже, вмешались сами боги...

Я удивленно распахнула глаза, разглядывая Майдаша: жилистый, высокий, вечно словно на серую хмурую тучку похожий, у меня он ассоциируется с острым лезвием, таким же тонким и смертельным, как те штучки, которые поблескивают в его косе. Такие, как этот дракон, могут привлекать всеобщее внимание харизмой, одновременно сокрушающей и опасной, а в другой момент становиться незаметной, безликой тенью. А вот Кло, его пара, походит на горный ручеек, что несет свои кристально чистые воды узенькой, сверкающей полоской меж острыми камнями, сглаживает их, питает редкие зеленые островки жизни и красоты.

– Совсем не неожиданно, – буркнул Дамрис. – Бабка Ларии – зеленая, а те поголовно целители. Недаром же на их территории сразу четыре сердца Древних осталось. За счет этого и живут, дерут с нас три шкуры за подпитку. Я уже пожалел, что договорился с тобой, Хашер, доверил тебе яйца своего клана. Ведь как родственник ты должен был охранять их еще надежнее, а ты...

– Все мои драконы поклялись на артефакте истины, что непричастны к этому кошмару. Треть погибших младенцев из моего клана. Треть! Клан неделю в трауре! Наши потери неизмеримы! – с пугающей отчаянной и болезненной яростью прошипел Хашер, сверкая синими глазами на Дамриса. Затем, махнув рукой в нашу сторону, рыкнул: – Я уверен, ты видел вон те метки на сердце Древнего – убийца метил кинжалом в девочку и моего сына. Думаю, именно поэтому новорожденная малышка стала проводником Древнего. Ты по-прежнему будешь настаивать, что я причастен к убийству детей? Неужели ты думаешь, что я или мои родные наняли дейтрини? Связались с самыми черными, проклятыми всеми жителями Игаи темными магами из людей? Ради чего? Чтобы убить своего сына? Того, кого ждали больше трехсот лет?

– Я не об этом хотел сказать, – пошел на попятную Дамрис, видимо, своей золотой задницей ощутил, что под ней подгорает.

– А твои? Все ли твои прошли проверку на артефакте истины? – задал совершенно неожиданный вопрос Майдаш, обратив холодный серый взор на золотого. – Насколько я знаю, на твое место метят не только твои наследники, но даже самки... Если меня не подводит память, Микуда из слабенького, захудалого рода, но стоило ее внучке войти в род синих и стать парой

наследника, как и она метит на твое место. Теряешь хватку? Отвлекаешься на скорлупу и корзинки?

Имя Микуда всколыхнуло что-то в моей памяти, неприятно царапнуло, но, к сожалению, за неделю в нее впихнули столько информации, что все смешалось.

– Я приказал провести проверку! – вскинулся Дамрис, а потом выплюнул желчь и яд на Майдаша: – А ваши? Я слышал, по силе ты превосходишь своего главу и лишь отсутствие у тебя наследника было преградой к смене власти в клане... А как серые избавляются от неугодных – знают все!

Майдаш совершенно незаметно перетек в другое положение – сел по-самурайски, положил ладони на чуть расставленные бедра и, вперив холодный серый взгляд в Дамриса, с расстановкой ответил:

– Поверь, золотой, первое, что я сделал после возвращения от живого сына, – обменялся клятвами с главой. Он кровью расписался в своей непричастности к боине младенцев, жизнью поклялся, что наши с ним семьи никогда не станут разменной монетой, а наша преданность друг другу больше не подвергнется сомнениям. Одейр – глава моего клана, я – его верная рука. Так будет, пока мы живы!

– Вот, значит, как, – ехидно протянул Дамрис. – Ушлый Одейр воспользовался ситуацией и еще сильнее привязал к себе чужую руку, сковал клятвами. Обезопасил себя и своих наследников.

Хашер усмехнулся, глядя на моего золотого родственника. Качнул головой и сухо заметил:

– Дамрис, ты часто не видишь очевидного. Майдаш – кинжал, Одейр – рука, мудрая, осторожная, коварная, дадут боги – бессмертная. Среди серых Одейр лучше всех, недаром они высоко поднялись за последние века. Если эту руку охраняет смертоносный кинжал Майдаш, то серым очень-очень долго процветать и благоденствовать. И тот факт, что глава серых пошел на обмен клятвами верности, еще больше говорит о его уме и прозорливости.

Золотой дед скривился, поджав тонкие губы. И сразу перестал быть красивым, как казался вначале. Вопреки его стараниям держать лицо, оно слишком часто

отражало истинные чувства. Насколько я поняла, Дамрис очень-очень старый, по обмолвкам, он минимум в три раза старше Хашера и еще больше Майдаша. Скрывать от кого-то свою неприязнь он не считал нужным. Единственный раз, когда его лицо «исказила» искренняя улыбка, был три дня назад, когда прибыла Жаэль, его пара – грациозная красивая беловолосая женщина лет сорока, родом из Белого клана.

Бабушка-Белоснежка была хороша и еще свежа, но ее возраст выдавали глаза, уставшие и слишком многое повидавшие. Проявив любопытство в отношении праправнучки и отметив мое к ней полное равнодушие, но вместе с тем – «благоволение» к Фиале, Жаэль одарила меня и других милой, любезной улыбкой и улетела восвояси. С того момента в закутке стихли споры за «владение» мной. Хитрый дед Дамрис ничего пока не признал, но я надеюсь, что все решится в мою пользу, когда спадет защитная пелена Древнего.

Наконец, молча посверлив оппонентов высокомерным взглядом, Дамрис произнес:

– У серых нет своего Древнего. А синие, хоть и имеют одно сердце, но на границе своих земель. Кто теперь решится оставить свое дитя там, где были убиты столь многие? Где побывали дейтрини! Кто знает, что из своего черного арсенала они здесь оставили в наследство нашим будущим потомкам? Теперь мы все с подбитым крылом, а наши яйца все чаще будут с мягкой скорлупой. Что вы скажете, когда все больше драконят будут рождаться без магии, как последние виверны?

– В моем клане ни один из виверн не считается «последним», – сухо парировал Хашер. – Мы – одна ветвь эволюции...

– Не-ет... – презрительно протянул Дамрис. – Пока жив я и мой род, со своего воздушного потока не спущусь. Сравнять себя с прислугой? Ни за что! Пусть виверны цепляют крыльями кроны деревьев, мои – будут закрывать небеса!

– Да ты, прапрадед, старый сноб, – криво ухмыльнулся Хашер.

– Да, я еще помню те времена, когда виверны не имели права поднять на дракона глаза. Прислуга знала свое место. Теперь магических существ на Игае все больше, а магии все меньше. Не оттого ли драконов рождается так мало, они

слабеют и мельчают? – в запале повысил голос Дамрис. – Моя дочь приносит уже второе яйцо, но без подпитки Древних скорлупа неумолимо смягчается, и вскоре яйцо высыхает...

– Может, ты сам виноват в этом? – зло бросил ему Хашер.

– Я? – опешил Дамрис.

– Вы, глава, – поддержал синего дракона Майдаш, по-прежнему сидевший в позе самурая, да еще с косой и кинжалами.

Хашер продолжил:

– Именно ты пару тысяч лет назад жарко поддержал тех, кто посчитал магию целителей самой бесполезной, а драконов, владевших ею, – бездарными. Ты и такие, как ты, устроили гонения на зеленых, а их потомков в других кланах принизили до уровня прислуги. Вы вынудили драконов развивать в себе другие способности, заглушать целительство – и что в итоге? Вы забыли о главном: проводниками Древних могут быть лишь целители. И теперь у всех нас – общая беда. Видимо, будем дружно платить непомерную плату зеленым, чтобы наши дети могли обрести полноценные крылья.

– Мы все совершаем ошибки, – огрызнулся Дамрис. – Заметь, я сам, первым из клана, позволил золотому из правящего рода ввести в семью зеленую целительницу...

– Определив их в отдельную ненаследуемую ветвь и отослав в дальнее гнездо! – припечатал «благодетеля» Майдаш. – Ведь ты поэтому не сразу узнал о случившемся? Младшие Ашарвисы жили на границе ваших земель? И лишь благодаря Адаре, своей кузине, ставшей парой наследника Синего клана, смогли устроить свое яйцо здесь, рядом с Прародителем.

– Я здесь! Здесь, чтобы позаботиться...

– О ком? – вкрадчиво спросил Хашер. – Как ее зовут, Дамрис? Как нарекли твои потомки своего ребенка? Ты знаешь?

Дамрис облизнул губы, явно смешавшись. А Хашер весома и с осуждением добавил:

– Алера! Так они ее называли и поделились радостью с кузиной и моим старшим сыном. Притом, что Адара им более дальний родственник, чем ты. Но она знала, а ты, глава и прапрадед, – нет. Зачем она тебе?

Дамрис резко встал и зашипел:

– Она сама выберет клан, когда определится!

– Ну что ж, твое слово принято, глава. Древний услышал, как и представитель серых! – Хашер глядел прямо в глаза опешившему от своих же слов Дамрису.

В этот момент, уже почти привычно, в мою пятку впился деснами Тайрен. Этот синеволосый младенец вылупился через два дня после меня, поднял переполох и вызвал слезы радости и умиления у родителей и Кло. Теперь мамочки и папочка Хашер постоянно ворковали с крепким хорошеньким малышом, а он им беззубо улыбался, пуская довольные пузыри. Нас питала магия Прародителя, я всем телом ощущала ее потоки, которые пронизывали нас и серое яйцо. Даже трещина на нем почти заросла. Поэтому мы не испытывали ни чувства голода, ни жажды, ни естественного желания облегчиться. Но всего спустя сутки у Тайрена и у меня полезли зубы, и – о боги! – началась суматоха. Я не нашла в нашей «колыбели» чем почесать десны, а как же они ноют, не передать словами! Ощущение, что у меня во рту Эйфелева башня растет, не меньше.

Я справлялась с проблемой по-взрослому: совала в рот пальцы и елозила по деснам сколько влезет. А Тайрен, змееныш, так и норовил засунуть в рот мою стопу или свою. И почему меня раньше умиляли голопопые младенцы с задранными ногами и обсасывающие пальцы? Когда у самой в наличии лишь пеленка и режутся зубы, умиление быстро превращается в раздражение. А где-то там, на периферии моего сознания, хихикает древний дракон, который теперь, надо думать, любит миром, в частности происходящим сейчас в яслях, моими глазами.

Только Дамрис захотел возмутиться, что его провели, вынудили дать обещание свободного выбора для праправнучки, Тайрен решил почесать десны об меня. Я машинально дернула ногой и, наверное, дала соседу по магической колыбели в

лоб. Тот закономерно возмутился, и пещеру огласил его зычный рев. Я еще помню, как плачут младенцы, пусть воспоминания медленно, но верно истаивают, оставляя лишь отдельные кусочки мозаики моего прошлого. Тайрен заверещал, как пожарная сигнализация, зато мгновенно пресек мужские споры и строгие взгляды. Хашер сразу всполошился и подался всем телом к нашему логову, ласково вопрошая:

– Сыночек, что случилось?

Чтобы не оглохнуть, да и взрослая я, жалостливая и будущая мать, снисходительно потрепала Тайрена по синим волосикам и показала, как надо действовать, засунув палец себе в рот. Мальчик, надув губки, замолчал, глянул на меня папиными синими-синими глазищами, шмыгнул сопливым носом, а потом абсолютно нагло и по-хозяйски сграбастал мою вторую руку и, сунув в рот, продолжил чесать десны. Вот ведь хитрый, маленький, ушлый змееныш, что будет, когда вырастет, – не представляю. Тем не менее мне было весело и умильно, поэтому мысленно махнула рукой и смирилась с тем, что я вместо грызунка, грелки, игрушки и периодически подушки у этого дракошки и наверняка будущего интригана. Эх, я же теперь фактически сестра... старшая.

Взрослые мужчины смотрели на нас, как на самых чудесных-расчудесных, самых обожаемых, милейших и очаровательных детишек в мире. Хашер ворковал с нами обоими, словно ему бог близнецов послал. Дамрис впервые тоже решил пообщаться с детьми. Подался ко мне, протягивая руки и делая «козу». Еще и вытянул губы уточкой и, по-идиотски агукая, вплотную приблизился к мерцающей защитной пленке со стороны серого яйца. Я неосознанно напряглась, ведь «серый» пока еще слишком уязвим в своей хрупкой скорлупе. Видимо, Тайрен ощутил мое напряжение и разделил опасение за брата. Мгновение – и только что довольно пускавший пузыри малыш злобно оскалился, встал на четвереньки и утробно зарычал на «врага», защищая меня и яйцо.

Дамрис отшатнулся и от неожиданности плюхнулся на задницу. А Хашер и Майдаш с восторгом наблюдали за Тайреном, скулы и подбородок которого – ой, мама дорогая! – покрылись синей чешуей.

– Силе-ен! – признал Дамрис, невольно выразив удивление. Потом, наклонив голову, молча рассматривал нас, а через несколько томительных мгновений, когда синий и серый драконы заметили его повышенный интерес, обернулся и, глядя Майдашу в глаза, ехидно добавил: – А знаешь, что сейчас было?

- Тайрен - сильный защитник! - гордо ответил Хашер.

Дамрис зло хихикнул перед тем, как поделиться умозаключениями:

- Если я не ошибаюсь, твой сын защищал свое. Как старший! Понимаешь, куда я клоню?

Я точно не поняла, куда дед клонит.

Нахмурились оба отца. Первым возразил Хашер:

- Думаю, ты ошибаешься...

- Увидим, когда вы попытаетесь их разделить, - поддел его Дамрис.

- Ты хочешь сказать, что...

Майдаш бросил нервный взгляд на серое яйцо.

- Избранную не грызут, - продолжил ехидно веселиться Дамрис. - Сами знаете, это на инстинктах, даже с учетом того, что магия в них проснется лишь с рождением второй сущности, и только тогда дракон опознает свою пару. Но инстинкты с нами с рождения! То, что сейчас произошло, говорит об одном: дети связаны магией Прародителя как тройня, такое крайне редко, но случалось в прежние времена. И теперь...

- Пока не обретут вторую сущность, их не разлучить. Созревание магии и сути дракона может нарушиться, - мрачно продолжил Хашер, тоже посмотрев на серое яйцо... как на лишнее в нашей колыбели.

Мы с Тайреном дружно подползли к яйцу и облепили его с двух сторон. Наверное, тоже на инстинктах действовали, опять ощутив неладное, таким образом защищая и поддерживая серого брата. Наблюдавшие за нами мужчины переглянулись. Затем Хашер и Майдаш вперились взглядами друг в друга. Дамрис довольно хмыкнул и попрощался:

- Ну я полетел, хорошего вам дня, даны! - Отряхнул пыль со штанов и, насвистывая, удалился.

Наши папочки проводили его глазами и опять принялись изучать друг друга.

- Мы можем заключить договор, - наконец осторожно предложил Майдаш.

- Тем более нам и делить нечего, ваш клан с нашим не граничит и в Поднебесном Посаде мы с Одейром почти всегда на одной стороне, - размышлял вслух Хашер.

- Всего десять лет потерпеть, - добавил Майдаш.

- Но у меня - двое, а у тебя - один!

- Ты уверен, что двое? - вкрадчиво усомнился Майдаш.

- Сделаю для этого все возможное, - жестко заявил Хашер.

- Если вы выделите нам покои и дадите разрешение на перемещение туда порталом, мы усилим вашу охрану и защитим детей, - еще более вкрадчиво попросил Майдаш.

- Если вы с Кло кровью поклянетесь, что ничего из того, что узнаете, пока будете жить на моих землях или в доме, никогда не используете против нас и не передадите другим. И пока наши дети зависят друг от друга, мы ни словом, ни делом, ни даже мыслями не навредим им, друг другу, нашим близким и кланам, тогда я согласен.

- Я согласен, если вы тоже дадите схожую клятву, что жизнь и безопасность моего сына и жены, пока они находятся на ваших землях и в доме, будут для вас не менее важны, чем ваших детей и супруги, - дополнил условия Хашера Майдаш.

- Я продумаю текст клятвы, - подвел итог переговоров Хашер, и оба расслабились.

– Надо же, никогда не думал, что породнюсь с синими. Пусть и магией Древнего, – усмехнулся Майдаш.

– Надо отметить, когда вылупится твой Лиир! – воодушевился Хашер. – Надеюсь, Одейр не будет против нашего временного союза.

Майдаш пожал плечами, а потом спокойно, кажется, без задней мысли заметил:

– Уверен, он найдет для себя выгоду и в этом союзе. В Поднебесном Посаде, как ты верно заметил, вы солидарны по многим вопросам. А схожие взгляды – крепкая дружба.

– Даны, мы вернулись, – донеслись из-за угла приветливые звонкие женские голоса.

– Я тоже решил надолго вас не оставлять одних, а то мало ли... – дал о себе знать Дамрис.

Через секунду в поле зрения появились Кло и Фиала. За ними с явным жадным любопытством – не убили ли друг друга конкуренты? – явился и мой дед. Тьфу ты, язык не поворачивается его, древнего интригана, так называть. Вот и драконы жен встретили с неизменным обожанием, а главе Золотого клана достались злобные взгляды. Но с того как с гуся вода, облокотился о стену и свысока наблюдал за всеми.

Мне понравились обе женщины, но почему-то Фиала – фиолетовая драконица с сильным воздушным даром – вызывает у меня щемящее чувство родства и тепла. К ней хочется прижаться и пожаловаться на все неурядицы, а в крепких объятиях ее мужа спрятаться от всех бед. Только рядом с ними мне не было страшно. Еще греет изнутри огонечек чувств древнего дракона, он не мешает, не отвлекает, а где-то на донышке моей души ощущается приятными эмоциями. Такой тихой, едва слышной мелодией, колыбельной.

Стоило о ней подумать, музыка зазвучала громче, радостнее, счастливее. Такая яркая, что я невольно рассмеялась. А через мгновение мне в лоб впечатался детский кулачок, который проломил скорлупу, стремясь на свободу.

- Лиир вылупляется! - счастливо выдохнули Кло и Фиала.

Обе встали вплотную к нам, а мужья замерли за их спинами надежной стеной. И все четверо с восторгом наблюдали, как маленький Лиир рушит свои скорлупочные застенки. Потирая лоб, я опасливо отползла от яйца. Тайрен, подобрав кусок скорлупы, пытался почесать об нее десны или решил попробовать на вкус, но я отняла и отбросила. Мол, негигиенично это, жевать чужие... в общем, продукты жизнедеятельности.

- Смотри, серый, твой первенец, благодаря моей Алере, тоже не подкачал, крепенький. Должен будешь! - Дамрис чуть не заставил вызвериться Майдаша.

Не знаю, как выгляжу сама, кроме пухленького детского тельца ничего не разглядеть, но оба моих собрата с виду вполне упитанные годовалые малыши. Самостоятельно сидят и таращат на меня глазки. Тайрен - синие, Лиир - темно-серые. Ой нет, сероглазый мальчик-дракон заметно меньше синеглазого, зато орет, драконош, так же громко и звонко. Боги, за что мне все это? Я хочу к маме и... папе.

Защитная пленка, вспыхнув, исчезла, мамочки кинулись разбирать своих сыновей. Напротив меня застыли Хашер и Дамрис. Золотой родственник протянул руки, чтобы взять меня, но я решительно заревела, наверняка перекрывая голоса обоих братьев. А стоило Хашеру наклониться и протянуть ко мне ладони, я буквально кинулась к нему, обняла за крепкую, надежную шею и приникла. Да-а, вот теперь все у меня будет хорошо! Я в надежных руках.

Одной рукой мой «избранник» держал меня, второй - приобнял жену с сыном. Мне кажется, мы выйдем идеальной семьей, хотя мамой и папой в этом мире останутся для меня Арс и Лария. Светлая им память.

Глядя в неприятно изумленное моим выбором лицо Дамриса, я одарила его ехидным взглядом и, надеюсь, противным нытьем:

- Ы-ы-ы...

Хашер заявил:

– Алера свой выбор однозначно сделала, теперь она – Ашарвис-Вайлет. Надеюсь, ты найдешь в себе мужество признать этот факт.

Дамрис фыркнул:

– Да забирайте! – И стремительно удалился.

– Мои, мои родные деточки! – радостно вопила Фиала, обнимая нас с Тайреном.

– Ну что, домой? В клан? – предложил с улыбкой Хашер не только жене и детям, но и своим новым родичам: Кло и Майдашу.

– Сочтем за честь, – кивнули они довольно.

Фу-у-х... наконец-то, спустя неделю заточения, мы вместе с родителями, корзинками и пеленками покинули пещеру. С высоты драконьего полета я увидела высокие пики снежных гор и голубое-голубое небо Игаи. С небес на нас взирал яркий, желтый Сол. Такие родные оба, что защемило в душе. Как бы ни плакала душа о потерянных любимых и родных на Земле, я родилась заново. У меня новая жизнь. Надо отпустить боль и смотреть в будущее.

Глава 3

Лииру повезло, он у папы единственный и любимый, поэтому с торжествующей ухмылкой на пухлой детской мордашке взирал на нас с Тайреном с папиных рук. А мы болтались на весу, Хашер, не мудрствуя, нес нас за «шкурку», перехватив на спине за лямки цветных детских костюмчиков наподобие земных комбинезончиков. Беспомощно раскачиваясь, мы с синим братцем, поджав губы, хмуро взирали на мир. Точнее, на собравшихся на зеленой полянке детей и женщин, низкие столики, заставленные едой и напитками, нянек и прислугу. Нет, это не праздник, всего лишь еще один обычный день Синего клана.

– Что они опять натворили? – с улыбкой спросила Фиала, глядя на нас.

– Проникли в зал совещаний через черный ход, залезли в глобус, а во время нашего с Эмертусом спора за торговые пошлины эти умники не поделили, чья очередь подсматривать в дырку, которую они проделали в дорогостоящем артефакте. Теперь нам снова придется его заказывать! – раздраженно рыкнул Хашер.

– Это не я дырку сделала, а Тайрен! – бесстыдно и бессовестно сдала я брата.

Следом заголосил виновник, причем так испуганно и с надрывом, будто и правда думал, что отец его накажет. Да добрее и мягче папаши не найти ни в одном из миров. Уж мне ли не знать. У Лиира лицо немедленно скривилось в сомнениях: сразу поддержать брата по магии слезами или обождать, пока не прояснится причина рева.

Хашер остановился, поднял сына повыше, на уровень своего лица, и удивленно спросил:

– Сынок, ты чего реवेशь? Ты же мужик...

Тайрен судорожно всхлипнул и завыл:

– А-алера умира-ает...

Мы с приемным отцом тревожно переглянулись, я шмыгнула носом и развела руками под изучающим взглядом родителей, показывая, что не в курсе дела, почему синий братец так считает.

– С чего ты взял, Тай? – Брат снова взлетел на уровень папашиного лица.

– А-а-а... дятлы долго не живут, а Алера на меня настучала! – голосил малыш.

– Детка, я тебе рот с мылом вымою, если будешь своих побратимов такой фиг... ерунде учить, – успел в последний момент исправиться Хашер, грозно глядя уже на меня, зависшую напротив его лица.

Увы, из меня иногда лезли словечки из прежней жизни, а они, как ни странно, оказывались весьма прилипчивыми как для детей, так и для взрослых.

– Кто? Я? – Я демонстративно состроила самую невинную невинность, но, глядя в синие сощуренные неверящие глаза Хашера, дотянулась до красивой резной пуговицы на его черном бархатном камзоле и начала ее крутить, пытаюсь скрыть предательский румянец. И продолжала нагло врать: – Это не я, это Древний... нечаянно.

Где-то на задворках моего сознания возмущенно зашевелился мой навязанный товарищ – древний дракон, или Прародитель, чьим проводником я стала. Пришлось торопливо делиться с ним волной стыда и извинений. Ну что я могу поделаться с собой? Мне всего три года исполнилось! Человеческая личность – взрослая, а драконья – младенческая, соответствующий гормональный фон, «мозги», плюс безудержное обожание и потакание со стороны взрослых драконов самым скверным образом сказываются на моем поведении.

И вот, можно сказать, каждый день обещаю себе, что завтра обязательно стану приличной девочкой, послушной и сознательной, но этот древний гад, что сидит внутри меня, рушит все планы. Слишком много в нем накопилось любопытства и жажды знаний о мире, который он давным-давно покинул. А уж вкупе с моими собственными – это просто термоядерная смесь. Да и малышка я совсем пока, ведь ни одна взрослая личность не устоит – сломается под давлением физиологии, как ни старайся «сохраниться».

Фиала – добрейшей души женщина, пара главы Синего клана и члена высшего драконьего Поднебесного Посада – с улыбкой подошла к своим расстроенным мужчинам, ласково чмокнула зареванного сына, потом поцеловала мужа и мягко успокоила обоих:

– Тай, Алера пошутила неудачно. Дятлы – это детская выдумка, их просто не существует.

Ну не существует так не существует, инцидент исчерпан, настаивать не буду. Хашер опустил нас с Таем на траву, заботливо поправил обоим рубашки и штаны на лямках и подтолкнул к другим драконьятам. Лиир сразу же вырвался из отцовских рук и кинулся к нам, оказалось, пощупать меня: точно умираю или еще поживу. А взрослые со снисходительными и умильными улыбками наблюдали за нами.

– Три года, как же быстро растут дети, – тихо заметила Кло, тоже подойдя к нам и прижимаясь к мужу.

За эти три года я успела выяснить, что серая пара – Кло и Майдаш – сложилась всего за десять лет до появления у них яйца. И столь короткий срок перед появлением потомства говорит об их невероятно сильной любви.

Я с тяжелым, обиженным вздохом огляделась: играть с малышкой совсем не хотелось, и так все время вместо няньки. То, что я отличаюсь от остальных новорожденных умом и сообразительностью, мои приемные родители заметили сразу. Но списали эти особенности на влияние Прародителя, а я, конечно же, не сказала никому и никогда не скажу об иномирном происхождении своей души. Незачем беречь чужие умы – и точка! Да и «старая» память все больше стиралась, заменяясь новыми, гораздо более нужными знаниями, навыками, впечатлениями, эмоциями.

Прежняя жизнь превращалась в призрачную завесу, иногда проявляющуюся серым дымком воспоминаний, но, стоило задуматься и углубиться в них, старая и новая реальность смешивались в невообразимый ком, периодически дававший о себе знать вот такими вот «детскими выдумками». Знания, фразы, выражения иногда в чистом виде, иногда в адаптированном к ситуации из меня вылетали, но все реже. Сейчас даже образы моих биологических и гайских родителей оказались более реальными, чем те, что остались на Земле. Печально, но факт.

Игая стала мне домом, синие драконы – семьей. Иногда я с трудом сдерживалась от восклицания «Папа!», обращаясь к Хашеру, или «Мамочка!» – к Фиале, но день бойни не забыть никогда, как и собственное обещание, что только Арс и Лария останутся для меня папой и мамой. Поэтому, научившись разговаривать и «понимать», я обращалась к чете Вайлет как к родным дяде и тете, но это не мешало мне мысленно называть их папой и мамой.

– Темные прибыли? – поинтересовалась Кло у Майдаша.

– Стражники видели их у границы, сообщили, что скоро будут, – ответил ей муж и, не в силах удержаться, покрыл ее скулу и острое, как у эльфов, ушко нежными поцелуями.

Я видела, каждый день видела эти яркие, глубокие, невероятные чувства, которые царили между избранными у драконов. Неважно, сильный или нет дракон, хороша ли самка, но, если они ощутили зов души, уже ничто не могло разлучить их. В душе я мечтала о таких же отношениях, но, увы, наш разговор с Василисой на Земле, похоже, само Провидение не дает забыть. Без подробностей, но именно он остался в памяти, хранится, чтобы я знала о своем жизненном пути. Только один факт удручает: демонов, в смысле аналогичных земным сказкам разумных существ, как ни странно, на Игае просто нет. Есть наделенные магией расы, управляющие тьмой. В таком случае, кто же мой темный суженый? И где его искать?

Пока я размышляла, мои братья по магии рванули играть с друзьями. На поляне царил, если так можно сказать, организованный хаос: носились, пищали, верещали, скакали дети разных возрастов и родителей всех сословий; за этим драконьим детским садом присматривали счастливые мамочки и няньки, ну и охрана незримо бдила на дальних подступах.

Как же все пугающе сложно у драконов с потомством! И ведь меня это тоже коснется в будущем. Эти огромные крылатые ящеры, кем они предстают во второй ипостаси, могут прожить неприлично долго, если случайно не погибнут, как мои родители, или сами от тоски или скуки не решат уйти за грань. Обрести потомство они могут лишь от истинной пары, которую ждут порой веками. Да и потомство появляется далеко не сразу и не более трех продолжателей рода. Численность драконов сохраняется, а прироста уже много веков не наблюдается. Видимо, так природа оберегает Игаю от заселивших горы крылатых гигантов, наделенных физической и магической мощью.

Новая драконья жизнь зарождается как у обычных людей, в страсти и соитии; будущая мать носит в себе «зерно», которое, в ее теле напитавшись магией, спустя месяц преобразуется в то самое яйцо. Недавно я стала невольной свидетельницей его «рождения». Древний постарался, буквально вынудив тайком пробраться в чужие покои, чтобы поделиться со мной таинством, счастьем и восторгом появления новой жизни. И я, действительно замерев и затаив дыхание, наблюдала за счастливой полуобнаженной парой в постели, со слезами радости на глазах наблюдающей, как яркий свет покидает живот женщины и превращается в яйцо в синюю крапинку. Сначала оно совсем маленькое, но через год-полтора, в зависимости от силы будущего дракончика, станет очень большим. Если станет...

Во время созревания маленькому дракончику требуется энергия, много энергии. Раньше, когда магических рас и животных на Игае было мало, а магией было пронизано все вокруг – бери не хочу, яйца хранились в сердце клановых цитаделей, расположенных высоко в горах, в труднодоступных красивых долинах. В этих каменных неприступных замках с древних времен были помещения – ясли, отведенные для хранения главного драконьего сокровища – будущего потомства. Но со временем магии в мире становилось меньше, и первыми это ощутили виверны – младшая ветвь драконов. Они сохранили вторую ипостась, но среди них исчезли одаренные. Да и размеры их ящеров значительно уменьшились. В итоге виверн низвели до положения слуг.

Дальше начали страдать и сами драконы. Все чаще их яйца становились мягкими, скорлупа теряла крепость, затем скукоживалась и высыхала вместе с содержимым. Вылуплялись только сильные драконы, слабые просто были не в состоянии вытянуть из мира нужное количество силы для созревания. Естественный отбор в действии, но родителям погибших детей этого не объяснишь. Тогда-то и началось паломничество к местам силы, захоронениям древнейших драконов, прародителей.

Я с содроганием узнала, что пещера с сердцем находится не в горе, а в окаменевшем теле усопшего гиганта. И в нем еще много силы, которой он и подобные ему делятся со своими потомками. К сожалению, ничто «человеческое» драконам не чуждо. Поэтому, опять же со временем, новые ясли начали ограждать от всех желающих – попасть в них могли богатые и знаменитые, особо приближенные и заслуженные. Ведь Древних осталось совсем мало и на всех драконов их не хватит.

Но вот три года назад случилась бойня, погибло больше тридцати яиц, а значит и младенцев. Куда уж понятнее, что безопасных мест вне цитаделей нет. Ведь даже при самой надежной охране нашлись злоумышленники, добравшиеся до яслей и осквернившие их тьмой и убийством. Поэтому яйца вновь лежат в клановых яслях, а пещера Прародителя с его большим добрым сердцем пустует. Но и засыхающих яиц тоже все больше.

Когда историю нашего чудесного спасения узнали в клане, детскую к утру заставили корзинами с яйцами. То пробуждение я не забуду никогда, словно дежавю в пещере. С перепугу я орала громче Тайрена и Лиира, пока не успокоили. Но чуда не произошло: со временем я узнала, что некоторые яйца засохли, поэтому перестала быть в глазах клана надеждой на спасение и стала

обычной малышкой-дракошкой. Я слышала кухонные разговоры поварих-виверн, мол, силы Прародителя хватило вспышкой чуда одарить лишь троих, а остальным снова остается молиться богам и Древним. Правда, и без новых чудес меня любили, холили, лелеяли и даже откровенно баловали.

Над долиной понесся гулкий звон – дозорные с главной башни сообщили, что в Синий клан прибыли гости. Хашер с Майдашем быстро направились к замку, виднеющемуся сквозь ветви благоухающего цветущего сада. А я дожидалась, когда женщины наконец отвлекутся от меня и займутся своими делами: вышивками, детьми, составлением меню, хозяйственными делами клана, решением проблем с прислугой и младшими членами клана, да мало ли чем.

Как ни удивительно, дел у дракониц при кажущемся праздном времяпрепровождении было не меньше, чем у мужчин. Драконы торговали, добывали полезные ископаемые, занимались земледелием, животноводством, воевали, интриговали, не чурались науки и искусства – в общем, все при деле, лениться здесь не принято и дурью маяться некогда. Уж я-то знаю не понаслышке, вместо детской частенько «заседала» в кабинете дяди Хашера.

Первые два года глава жалел меня, сиротиночку, всюду носил с собой. Ох, сколько же я интересного узнала, пока играла с братьями в своеобразном «загоне для драконят», так называют взрослые обычный манеж для малышей. Его специально поставили рядом с дядиным столом. Обожающий нас, своих любимых деток, Хашер радовался нашему горячему желанию быть именно с ним. А все попытки «выселить» меня из дядиного кабинета заканчивались истериками.

Жаль, мое тайное самообразование год назад завершилось. Хашер вел важные переговоры, ну попросту торговался с одним из дальних кланов за повышение цены на уголь для людей, а я облажалась. Не буквально, хотя лучше бы так, чем насмешливо, с присвистом «хрюкнула», когда дядя с умным видом сочинял байки про проблемы с перевозкой угля. Лиир, собиравший пирамидку, покачал головой и восхищенно протянул: «Ой, как же ты свисти-ишь...» То, что братец мой свист оценил, никого не интересовало, каждый переговорщик решил так, как ему «неудобно». Дядя – что мы его «заложили», а его торговый партнер – что даже дети понимают, как его пытаются надуть. С тех пор дядин кабинет для нас под запретом. Жизнь – боль!

В прошлом я была дипломированным бухгалтером, но кому это теперь надо? Вынуждена сидеть с малышами и заниматься сущей ерундой. Надоело! Я лично учила братьев быть мужиками и не писать в нашу общую – какой кошмар! – кровать. Не кидаться в меня кашей, не оттягивать свое мужское достоинство в попытке выяснить, чье оно и насколько длинное, самостоятельно одеваться и вовремя садиться на горшок. Ведь у нас, спасите меня Древние, все еще общая комната и кровать. Потому что магия и вторые сущности взаимосвязаны, пока не сформируются окончательно. Для трехлеток мы не по годам умные, очень разные и деятельные, как стонут родители. Но как же хочется вырасти быстрее. Хотя бы до десяти лет, чтобы пустили в библиотеку – святая святых клана. И самое главное – выделили отдельную кровать!

Над главной башней замка я увидела тень, жутко красивую тень дракона. Странную такую, черную, на миг закрывшую светило и облака. У меня от любопытства даже дыхание перехватило. А вот Древний помалкивал, его больше заботят яйца, чем какие-то там тени.

Я украдкой оглянулась: не следит ли кто за мной. Нет, Кло и Фиала увлеченно сюсюкают с новорожденной малышкой и ее счастливой мамой. Братья что-то разглядывают под деревом, наверняка пробуют на вкус очередного жука, вкус и интересы у моих побратимов – зверские. Хашер и Майдаш давно скрылись за деревьями. И я решилась: словно невзначай зашла за ближайший куст, потом за другой – и кинулась вдогонку за дядями.

Уверенно и довольно быстро бегать я научилась уже к году, как и мои братья. Эти двое вообще стали моими постоянными теньями, преследуя как привязанные и работая повторюшками. С одной стороны, мне за это вполне заслуженно обещали надавать по заднице родители, с другой – все отмечали, что наша троица быстро развивается и сплоченная. Еще бы, крепыш и доминант по натуре Тайрен и хитрый, на первый взгляд мелкий и слабый, а на второй – гибкий и юркий, как змееныш, Лиир просто не могли позволить девчонке, хоть и сестре, верховодить. Вот и приходилось им вертеться на пределе сил и возможностей. Драконы, они такие драконы, что не передать словами.

Эх, я совсем забыла, что где бы ни появился один из тройни, как нас все называют, тут же найдешь и остальных. Вскоре я услышала за спиной сопение и топот, затем Тайрен и Лиир старательно бежали на шаг впереди меня, показывая, что мужики здесь они, а я – подопечная, говоря по-русски, прицеп. Вот такой слаженной командой в нарядных цветных «комбинезончиках»

и рубашечках, мы умудрились проникнуть в замок, минуя слуг и охрану. Оказавшись в родном и любимом доме, в котором изучили едва не каждый кирпичик, рванули к малому залу. Именно там глава Синего клана сегодня принимает одного из черных драконов. Судя по обмолвкам, личность неординарную, жуткую и пугающую даже мужчин. В общем, страсть какую интересную личность. И нам ее ни в коем случае пропустить нельзя!

Если сравнивать с людьми, то трехлетний дракон сопоставим с пятилетним ребенком. На начальном этапе мы растем быстрее, а вот после созревания второй, крылатой, сущности взросление заметно замедляется. Ведь организму и мозгам приходится растить сразу двоих: собственно дракона и человека. Поэтому мы в три года уже прекрасно бегаем, прыгаем, лазаем и даже учимся читать и писать, но, в сущности, пока малыши. Моя состоявшаяся личность слишком сильно ощущает эту гормональную и физиологическую неготовность к взрослому, взвешенному поведению, и очень часто я корю себя за абсолютно детские, непродуманные, а часто импульсивные поступки и слова. Но это потом, вечерами, в минуты покоя или если есть время для анализа и самокопания.

Мы прошли по узкой, темной и, фу-фу-фу, пыльной лестнице и замерли у задника тяжелого гобелена, который прикрывает неприметную дверцу в малый зал, где обычно проходят деловые переговоры главы. Чтобы сюда попасть, пришлось спуститься на замковую кухню, а оттуда пробраться через винный погреб. Любопытно, что про тайные ходы (собственно, поэтому они и пыльные, что о них единицы в курсе) я узнала от древнего дракона, он не мог отказать себе в желании чаще находиться с яйцами. А кто ж малышку отпустит ночью... Ну а мои побратимы тенью всегда следуют за мной, так что теперь замок мы знаем как свои пять пальцев.

Из-за полога слышался разговор, который, судя по голосам, вели четверо мужчин.

– Дан Келео, мы давно ждем от тебя известий, – сказал Хашер.

– Вы три года искали заказчика сами, а от меня ждете чудес за месяц? – возразил ему приятный баритон с чуть более ярко выраженной «р», негромко, спокойно, даже с какой-то мягкостью, словно резкие звуки и эмоции раздражают мужчину, которому принадлежит этот голос.

– Да, ты прав, мы торопим. Но ждать уже нет сил, столько усилий предпринято, столько потеряно времени на безрезультатные, как оказалось, поиски. Надеюсь, ты прибыл с новостями? – а вот мой всегда спокойный и продуманный дядюшка Хашер сейчас с трудом сдерживает нетерпение.

Мы, маленькие наглые подслушиватели, подались еще ближе, рискуя вывалиться наружу.

– Я нашел того, кто знает больше нас с вами. Но, надеюсь, вы помните о клятве неприкосновенности моего друга, которую сейчас принесли нам? – спросил невидимый пока Келео у моих дядей.

– Помним, – произнес Майдаш, от его ледяного голоса пробрало до мурашек, даже мальчишки сжались от испуга. – Но также помним, что ятр Ньем является небезызвестным кинжалом Халеи. Не знал, уважаемый дан Келео, что глава гильдии убийц – ваш друг. Хотя о чем я, темный темного всегда поймет...

– Майдаш! – оборвал Хашер серого дракона, ставшего ему другом за три года совместного проживания.

Послышалось насмешливое хмыканье двух мужчин, а дальше зазвучал очень необычный, такой бархатный, ласкающий слух голос, от которого по мне побежали мурашки:

– Насколько я знаю, дан Майдаш, черные и серые – одной крови. Ведь когда-то драконы тьмы входили в Серый клан. Я чувствую, дан Майдаш: в тебе слишком сильны тени. Смотри, утратишь контроль – окажешься в Черной башне. Однако сомневаюсь, что мы поймем друг друга, если вдруг ты станешь темным.

Лиир бросил на меня испуганный взгляд – боится за отца. Ни он, ни я толком не поняли смысла чужих слов, но тьмы боятся все. Я положила руку на плечо Лииру и прислушалась.

– Светлая дана Кло не отдаст тьме свое сердце, так что ты заблуждаешься, дружище, – примирительно прозвучал голос Келео, удивительно приятный, похожий на тихую мелодию.

– Мы отошли от более важной темы, – сухо заметил Хашер и напомнил о главном: – Даны, прошу прощения за невольное высказывание моего друга. Сейчас важно знать, что вы нашли.

– Келео провел собственный поиск, и он привел его в Халею. Ко мне, – голос Ньема прозвучал спокойно.

Я слышала, что Халея – это западный сосед нашего клана, королевство, где живут люди.

Послышалось шуршание и противный скрип ножек стульев по гладкому каменному полу, словно кто-то резко встал, отодвинув стул.

– Так это ты послал отряд дейтрини? – проскрежетал Майдаш. – Келео, ты привел в наш дом главу этих убийц, а перед этим требовал клятву о неприкосновенности? Мы ведь доверились тебе...

– Майдаш! – приглушенно рыкнул более продуманный и спокойный Хашер.

– Уверен, серый, ты знаешь, что такие, как я, направо-налево долги крови не раздают! – голос Ньема яростно, жестко, словно колючим песком, а не ласковым бархатом, прошелся по моей коже. – Я тебе больше скажу, у меня такой только один. Теперь оцени наконец, насколько Келео Черный проникся вашей светлой болью, что взыскал с меня этот долг для вас! А ведь жизнь длинная, очень длинная, я бы мог ему сильно пригодиться. Однако я здесь! И только по этой причине расскажу о том, что знаю. Да, я кинжал Халеи, глава гильдии наемников. Через меня проходят заказы и на услуги дейтрини тоже.

– Значит, ты знаешь, кто заказал наших детей? Знал раньше, но... – Я схватила братьев за руки и притянула к себе, услышав ужасающе ледяной голос Хашера.

Мальчишки и вовсе, вторя эмоциям вожака, ощерились и зарычали, готовясь кинуться на врага.

Голос Ньема был подчеркнута сух:

– Кинжал – высший теневой закон Халеи, мне плевать, кто умрет или на кого поступила заявка. Если она принята, договор, подписанный моей кровью, будет исполнен. Любым способом! Об этом знает вся Игая, уверен, вы – тем более. Но этот заказ прошел не через меня и вне гильдии. Договор подписали напрямую с отморозенным главарем одной из шаек дейтрини. Я узнал об этом, когда ко мне обратился за помощью Келео. Ни один здравомыслящий кинжал не принял бы заказ на убийство детей. Тем более драконов.

– Кто заказчик, ты знаешь, ятр Ньем? – хрипло поторопил Хашер.

– Нет, – убил надежду тот. – Договор был подписан кровью, но стоило его развернуть – сгорел. Я не знаю его содержания и имени заказчика, а исполнителей вы всех уничтожили. Но я успел уловить флер ее магии...

– Ее?! – потрясенно спросил Майдаш.

– Ее, – мрачно подтвердил Ньем. – Более того, она явно драконица, но необычная. Аромат ее магии имеет несколько нестабильных слоев, я такое впервые ощущаю... и привкус мерзкий, даже не темный, а кровавый, как у самих дейтрини...

– Может, чем-то больна? – предположил Майдаш.

– Головой? – с ненавистью прошипел Хашер. – Как могла драконица покуситься на яйца? В моей голове не укладывается!

– Это немыслимо! – согласился серый дракон, отрицая самую такую вероятность.

– Дейтрини иногда приторговывают всякой мерзостью, способной повлиять даже на самых сильных магов, – предположил Ньем.

– Ты думаешь, она темная? Может, из Черного клана? – спросил Хашер.

– Нет, – с неизменным спокойствием ответил Келео. – Тьма никогда не выберет женщину своим сосудом. Темными бывают только самцы-драконы, и никак иначе. Девочки-драконицы в нашем союзе всегда наследуют магию и вид матери.

– Но Ньем же сказал, что...

– Я сказал, что у нее необычный отголосок магии, я не говорил, что она темная. Просто... больная, что ли. Сложно сказать, – кажется, поморщившись, произнес Ньем, а потом добавил: – Но кто помешает светлой использовать декокты и артефакты темных? Особенно если мозги или суть прогнили.

– Твоя правда, – печально согласился Хашер. – Как смотреть в глаза сородичам, не имея возможности дать ответ: кто убил наших детей?

– Найдем! – убежденно заявил невидимый Келео.

За спиной что-то зашуршало. Вздвогнув, я проверила: оказалось, просто мышка пробежала. Глупая, нашла место, где лазить, – изведут в момент. Обернувшись, я зашипела от злости – братцев уже и след простыл. Шпионы недоделанные! Ну кто палит контору-то? Я рванула за ними следом в надежде остановить и не пропустить самое интересное.

Малый зал – квадратное помещение примерно в двести квадратных метров, без окон, справа – двустворчатая высокая дверь в общий коридор замка, слева – низкий длинный помост с порталной аркой, через которую могут пройти гости исключительно по приглашению, со специальным артефактом доступа. Напротив – стол секретаря Хашера, заваленный писчими и рабочими принадлежностями, а сбоку от него целая «мягкая» зона на здешний манер: солидный, прочный стол в окружении удобных кресел для длительных переговоров. Четвертая стена представляет собой череду колон и арок, подпирающих свод зала. Арки украшены статуями и цветными гобеленами, искусно расшитыми сценами драконьих битв, и подсвечиваются светильниками. Не только дорого-богато, но и эпично.

Я так спешила догнать своих горе-подельников, что совсем забыла про цель и окружение. Выскочив из-за колонны, влетела в резко затормозивших Тайрена и Лиира. Мы втроем растянулись на отлично навоощенном полу. Братья – надо честно себе в этом признаться – по разуму задрали головы вверх и явно готовились зареветь. Я не ошиблась: они приподнялись и заголосили, как потерпевшие! Шмыгнув в недоумении носом, я встала перед ними и, невольно шепелявя из-за выпавших двух передних молочных зубов, укоризненно спросила, старательно копируя Хашера:

– Вы чего ревете? Кто из нас мужики, я или вы?

Но мальчишки, не обращая на меня внимания, задрав головы, таращились на что-то за моей спиной и подвывали от страха. Обернувшись, я уперлась взглядом в огромные ботинки, черные, высокие, как у военных. Дальше я отметила длинные мускулистые ноги в темных замшевых штанах, синий кафтан, облегающий мощный торс, ручищи с черными когтищами, поглаживающие широкий пояс, украшенный черными полированными камнями, похожими на агаты. На выпирающей груди этого «спортсмена-тяжеловеса» повешено несколько интересных и жутковатых амулетов на серебряных цепях. Крепкая шея и голова... ого... с чуть загнутыми назад небольшими, аккуратными рогами.

Запрокинув голову, я во все глаза таращилась на занятого черноволосого и черноглазого рогатого мужчину с резкими, но не грубыми чертами лица, острым выдающимся вперед подбородком, орлиным носом и высокими скулами. Неотразимо красивый, но, на мой взгляд, слишком порочно выглядит, как шоколадная конфета с коньячной начинкой из прошлой жизни, или, как слышала от нашей главной поварихи, старой виверны Лейны, правда, уже не помню по какому поводу, – сладко, но с горькими последствиями.

– О-бал-де-еть! – выдохнула я восхищенно, рассматривая незнакомца и особенно его голову: – Рож-ки-и...

В этот момент еще и хвост появился и стукнул по ботинку. Проследив за ним взглядом, я сложила ладошки на груди и восторженно пискнула:

– И хво-остик...

Тайрен и Лиир тут же поднялись на ноги и хмуро поинтересовались, как и я, шепелявя:

– Ты думаешь, это красиво?

Я почему-то смутилась и, рисуя носком ботинка круги на полу, все-таки почти честно призналась:

– Ну да, немножко.

– Ятр Ньем, какво быть немножко красивым? – услышала я насмешливое замечание дяди.

Зал огласил веселый мужской хохот. Рогатый незнакомец по имени Ньем и Майдаш замерли в паре метров от нас. Рогатый внимательно разглядывал меня, и я примерно представляла, как выгляжу в его глазах. Во всяком случае, Фиала, Кло и няньки об этом каждое утро говорили, когда наряжали меня перед зеркалом. Милая, хорошенькая малышка, которая непременно вырастет в настоящую красавицу. А пока девчушка с мягкими золотыми кудряшками, пухлыми губками и круглыми румяными щечками с милейшими ямочками, большими, чуть раскосыми медовыми глазами с золотистыми искорками. Прямо ангелочек. Лишь когда Древний «просыпался», мои глаза из желто-карих превращались в полыхающие, а черты лица хищно заострялись.

Мы с двухметровым ятром Ньемом некоторое время рассматривали друг друга, затем он склонился ко мне, согнувшись пополам, и я опять услышала тот самый бархатный, ласкающий слух голос:

– Ты очень красивая, малышка!

Я замерла, разглядывая угольно-черные глаза кинжала Халеи, главы гильдии убийц. И в этот момент во мне очнулся древний дракон, как будто старого врага почуял. Через мгновение мое тело словно окаменело, перестало принадлежать мне, внутри взметнулись ненависть и ярость. Теперь я удерживала взгляд незнакомца, пытаюсь подавить, заставить подчиниться. Больше того, с трудом сдерживала рык и удивилась, когда наконец заметила, что по залу, словно туман, стелется странный дым. Это так проявляется тьма? Ведь если я верно поняла, здесь находятся сразу двое темных, один из которых черный дракон.

Огромного труда мне стоило вернуть контроль над телом и эмоциями, заставить Древнего вернуться на донышко моей души. Это моя жизнь! Но Древний не полностью оставил мое сознание, он пристально, подозрительно следил моими глазами за рогатым темным магом, у ног которого клубится тьма. Жутко, но интригующе-е!

Черные глаза Ньема широко распахнулись, он откровенно восхищался мной, затем моргнул, склонил голову набок и чуть хрипло похвалил:

– Какая сильная, очень сильная будущая драконица. Такая любому может подарить уникальное потомство. Хочешь стать моей суженой?

– Ньем, к чему эти вопросы моей трехлетней дочери? – едва сдерживался, чтобы не возмутиться, Хашер.

Даже про вежливое «ятр» забыл, а я все не могла вспомнить, у какой расы принято такое обращение. Но пока не выгнали, решила полюбопытствовать с дальним прицелом на другую важную тему и попробовала спровоцировать темного:

– Все знают, у дракониц только с истинным могут быть дети.

Рогатый красавчик опустил передо мной на одно колено, но даже так был значительно выше меня, и ответил, добавив в свой бархатный голос вкрадчивых ноток:

– Запомни, чудный ребенок, в любом правиле есть исключения. Если драконица – сильный маг, то у нее может быть как истинный, так и суженый. Это правило распространяется на многие долгоживущие расы.

– Какая разница? – тихонечко прошепелявила я, надеясь на продолжение, раз со мной беседуют по-взрослому и не выгоняют.

– Истинный – это половинка души, суженый – магическая половинка, если сила дара примерно совпадает. Все в мире требует равновесия. Но потомство приносят обе связи.

– А если драконице встретятся оба? – хитро улыбнулась я.

Мужчина усмехнулся:

– Из всех рас такое возможно исключительно у демаи. У драконов может быть лишь одна пара. За всю жизнь! И только боги и магия знают кто: истинный или суженый!

– Демаи? – заинтересовалась я.

– Так называется мой народ, – кивнул он. – Так как, мы красивые?

Василиса говорила, что мой темный суженый похож на демонов. А демонов на Игае нет, зато есть рогатые демаи. Неужели подобный этому Ньему может стать моим мужем? А если это он? Хотя узнать я это смогу, когда проснется моя магия, не раньше.

– А у тебя есть истинная? – полюбопытствовала я словно невзначай.

Хашер закатил глаза, Майдаш хмурился, он явно плохо переносил «дымившего» демаи. А сам «демон» весело ответил:

– Вот подрастешь и узнаем!

– Ей только гарема не хватает, – сухо возразил Майдаш.

– А гарем это что такое? – нашел возможность вклиниться в разговор Лиир.

Ньем, Хашер и Майдаш опустили на него взгляд, затем драконы переглянулись, явно испытывая затруднение с ответом. Наконец Хашер определился:

– Это когда мужчина имеет... содержит не только любимую пару, но и еще несколько женщин...

Мысленно я хохотала над родичами и не преминула подшутить, ехидно уточнив:

– Это когда одна любит, другая стирает, третья за детьми смотрит?

– Немного похоже, – с облегчением выдохнул Хашер, не обращая внимания на ухмылку демаи.

– Папа, по-твоему, выходит, у нас тоже гарем? – Тайрен сделал именно тот вывод, который я уже сама хотела озвучить, отчего у Хашера округлились глаза и даже рот приоткрылся, а его умненький сынуля продолжил развивать мысль: – Ничего себе!.. Я тоже такой хочу! Когда любимую жену найду, заберу второй Лейну, она вкуснее всех готовит. А злюку Марису брать не буду, пусть в твоём

гареме остается, потому что больно щиплет, когда я уроки не делаю...

– Почему это Лейна сразу тебе в жены достанется? – возмутился Лиир. – Я тоже люблю ее пирожки...

Спор разгорался, Хашер с Майдашем не знали: то ли хохотать, то ли строго прекратить разглагольствования своих продвинутых отпрысков, зато Ньем откровенно развлекался, как и я, но, надеюсь, про себя. Неожиданно рогатый гость снова наклонился, осторожно взял мою кудряшку и зачем-то потеревил пальцами. Я инстинктивно сделала шаг назад, а мои братья, мигом забыв о дележе претенденток в гаремы и страхе перед темным, наоборот, резко выдвинулись вперед и злобно зарычали на него. Мои верные защитники! Демаи не обиделся, наоборот, довольно улыбнулся, показав нам внушительные клыки, увидев которые мы с братьями дернулись, запнулись друг о друга и шлепнулись на пол.

Ньем выпрямился и, расставив ноги и лениво постукивая хвостом по ботинку, разглядывал нас. Затем, вскинув черные брови, удивленно воскликнул:

– Я не ошибся, полноценная магическая тройня! Вы в курсе, что такая связь усиливает врожденный дар?

– Это семейное дело, – сухо ответил Майдаш, закрывая нас собой.

– Тай, Лиир, Алера, немедленно вон отсюда, – строго скомандовал Хашер.

– Прости, дядюшка, – проникновенно повинулась я, одаривая Хашера и Майдеша самой очаровательной и невинной из своих улыбок.

Вообще-то, улыбки – мое «смертельное» оружие, поражающее любого взрослого дракона наповал. Приподнимаясь с пола, я наконец разглядела между ногами Ньема четвертого участника подслушанного разговора – Келео. Про которого так некстати забыла, увидев «рога и копыта».

– Малышка, тебя заинтересовал мой хвост? – сверху раздался насмешливый голос Ньема, от которого я отмахнулась, чтобы не мешал разглядывать еще более интересного гостя, сидящего в кресле.

Я замороженно смотрела на мужчину лет тридцати, как было и любому из присутствующих здесь взрослых. Но каков их реальный возраст, кто знает. У долгоживущих старость наступает лишь тогда, когда вырождается магия, то есть очень-очень-очень не скоро. Высокий, статный, с крепким, чуть худощавым телом, красивыми длинными пальцами, сжавшими подлокотники. Почему красивыми, даже не знаю. Камзол, непривычно длинный, строгий, черный, глухой, из тонкой ткани, похожей на смесь шелка и хлопка, но выглядит очень дорого и солидно. В боковых разрезах видны штаны из той же ткани. Удобные мягкие туфли. Никаких украшений, кроме перстня с черным камнем на левой руке. И весь его черный наряд сильно контрастирует со светлыми, словно седыми волосами до плеч и непривычно светлой кожей. Узкий аристократичный профиль: прямой нос и темно-серые брови-дуги, чуть поджатый, красиво очерченный рот.

Наконец Келео тоже посмотрел прямо на меня, с любопытством выглянувшую из-за ноги Ньема, и я отважилась заглянуть ему в глаза. Ух! Они буквально поразили – насыщенно-черные настолько, что цвет радужки сливается со зрачком. А лицо... Теперь стало видно, что у темного гостя внешность не холеного аристократа, а хищника: сурового и мрачного. И главное, именно вокруг него клубилось больше всего черного дыма-тумана-тьмы, завораживая, привлекая, разжигая любопытство. Гипнотизируя! Призывая!..

– Алера! – услышала я взволнованный голос Хашера, когда каким-то невероятным образом оказалась рядом с креслом этого Келео.

Я опять отмахнулась, схватилась за подлокотник и, задрав голову, заглядывала то в одну, то в другую сторону, пытаюсь найти источник «дыма». Я даже край его камзола приподняла, отчего он мягко усмехнулся и шепнул мне:

– У меня хвоста нет.

– Алера!

– Все в порядке, дан Хашер, девочка мне не мешает.

Я ощутила в нем дракона, но какого-то неправильного. Мрачного. Темного! И вместе с тем – нереально привлекательного! Именно рядом с ним я забыла про свою якобы взрослую личность, про братьев, судя по сопению, замерших в

стороне и явно опасаящихся приближаться к нам. Забыла и про окружающих, демаи и дядей. Меня привлекла загадка, что притаилась в черных, кажется, бездонных глазах этого незнакомого и необычного дракона.

Как назло, вновь дал о себе знать Древний дракон. Глядя на незнакомца, я ощущала грусть, сожаление, вину, которые он испытывал рядом с ним. И я не могла понять почему? За что?

– Келео, я смотрю, ты произвел неизгладимое впечатление на золотую малышку. Даже больше, чем мой хвост и рога, – усмехнулся Ньем, останавливаясь рядом с креслом, в его голосе была... ревность, едва уловимый намек, но все-таки.

Черный протянул мне широкую, светлую, но, как оказалось, крепкую и теплую ладонь. Я, не раздумывая, хоть и робко кивнув, уже через секунду восседала у него на коленях. Отчего-то возникло чувство, что я дома. Так было уютно, легко и странно тепло, но сейчас и так лето. Но именно в этот миг я поняла, что рядом с Ньемом замерзла, а оказавшись в объятиях Келео, – отогрелась! Вокруг нас закружили черные ленты, заставляя меня крутить головой и откровенно любоваться этим неожиданным представлением.

Я остановилась под внимательным взглядом Келео. И не удержалась от соблазна: оперлась о будто каменную мужскую грудь и, подавшись вперед, протянула ладонь к его лицу. И опять замороженно смотрела, как мои маленькие, детские пальчики осторожно касались гладкой светлой кожи, твердого подбородка, немного впалых щек и прямого носа с трепещущими крыльями. Темный не мешал мне его изучать, в черных глазах затаилась улыбка. Рядом с ним не было страшно, скорее невероятно интересно. Еще бы, черные драконы – окутанная мраком легенда драконьих гор.

Потом почувствовала взгляды побратимов, жмущихся к ногам отцов. Они смотрели на меня со смесью страха и восторга, словно на победительницу монстров из-под кровати. Захотев подразнить мальчишек, я приникла к груди Келео и хитренько зыркнула на них, с трудом сдержавшись, чтобы не показать язык и не рассмеяться. У братьев аж рты приоткрылись, а вот Майдаш и Хашер укоризненно качали головами.

– Думаю, дети не помешают разговору, – мягко предложил Келео, осторожно положив ладонь на мою макушку и ласково скользнув по кудряшкам.

– Да, как и дополнительные уроки по этикету, – хмуро согласился Хашер, глядя то на моих братцев, то на меня.

– Полагаю, наследникам больших кланов стоит с детства знать, что в жизни не все так гладко и легко, как кажется, – пожал плечами Ньем, глядя не на Хашера, а на меня и Келео.

– Вернемся к поиску, – напомнил Хашер, вновь оглядев нас, детей, только недовольно.

Келео заставил его отвлечься от нас неожиданной новостью:

– Некоторые демаи могут ходить даже по самым старым магическим следам, поэтому мы побывали в нескольких кланах в поисках преступницы, и самые яркие отголоски оказались в четырех. Золотой и Синий в их числе.

– А у серых? – глухо уточнил Майдаш.

– Была, но, видимо, давно. Едва поймали след, – пояснил Ньем.

Хашер окинул нас с братцами быстрым настороженным взглядом, который не остался без внимания. Келео, по-прежнему сохраняя абсолютное спокойствие, качнул головой и пояснил:

– Пока мы не узнаем кто, не важно, где они будут. Эта тварь найдет их везде. Если цель именно они.

Стало страшно, очень страшно. Я невольно обняла Келео, прижимаясь теснее. Странное желание, ведь все это время лишь рядом с Хашером и Фиалой я ощущала себя в полной безопасности. И вот нашелся еще один дракон, хоть и не совсем обычный, но такой же душевно теплый, как любимый дядюшка.

– Но как узнать... изловить эту тварь? – помертвевшим голосом спросил Хашер, глядя на синеволосяную макушку своего сына.

– Найдем! – пообещал Майдаш и себе, и другим. – А пока усилим охрану и внимание к детям клана.

– Я их защитю... защищу... мы их защитим, – наконец справилась я с шипящими и села ровно, готовая хоть сейчас вступить за своих ребят.

– Она проводник Древнего? – мягко поинтересовался Келео, удерживая меня на своих коленях и с улыбкой разглядывая, при этом не показывая клыков, чтобы не пугать.

– Да, – с нежностью посмотрел на меня Хашер, а потом погрозил пальцем: – Ты права, моя малышка, ты присмотришь за ними, а мы, как следует, – за вами троими. Только умоляю: не ходите в подвалы...

– И по тайным ходам! – раздраженно добавил Майдаш.

– И не лезьте в норы к лисам...

– И на деревья пока тоже не надо!

– И не...

– Да это вообще не я, а они! – возмутилась я. – По мне, лучше библиотеки места нет, но кто меня слушает? Я же девочка.

– Нас сюда Алера привела, – мстительно сдал меня Лиир.

– А дятлы долго не живут! – не осталась я в долгу у трехлетнего малыша. Эх, плакала моя совесть горячими слезами.

– Ха, дятлов не существует! – гордо парировал Тайрен. – Мама сказала, что ты их выдумала.

Келео по-доброму усмехнулся:

– Весело у вас!

– Если тебе нравится в детской компании, пора бы завести своих, – улыбнулся Майдаш.

Я ощутила, как Келео напрягся, а затем слишком спокойно ответил:

– Обязательно, в свое время. Нам пора, обратно вернемся порталом, Ньем спешит в Халею.

Дракон приподнял меня за талию, встал и усадил вместо себя в кресло. Меня тут же охватило разочарование: двое занятных мужчин уходят; даже когда ладони Келео отстранялись от меня, следом за его пальцами потянулись черные ленты, которые, оказывается, обвивали мое тело. Я потянулась за ними, попыталась ухватиться, но они втянулись в руки дракона. Ньем прошел мимо меня, ласково потрепав по макушке, и я заметила похожие темные ленточки, устремившиеся за хозяином.

Я грустно выдохнула, имея в виду ленточки:

– Какие красивые!

Темные мужчины насмешливо посмотрели на меня, обменялись взглядами с моими родичами, а затем, попрощавшись, скрылись в портале. Хашер и Майдаш задумчиво смотрели на меня.

– Как ты себя чувствуешь, Алера? – поинтересовался дядя, занимая место Келео и усаживая меня к себе на колени, второе – шустро занял Тайрен.

Лиира, как обычно, взял на руки отец.

– Как-то грустно, – призналась я.

– Детка, демаи не тот народ, с которым стоит иметь дело, – осторожно посоветовал Майдаш.

Эх, если бы они знали, что у меня проклятие и суженый уже имеется. Причем, похоже, из этих вот «демонов». И все же меня терзали сомнения: Василиса ни словом о гаремах не обмолвилась, а значит, могут быть неожиданности и с «национальностью» суженого. Да и я теперь не эльфийка... Может, сбой в «программе» высших и на мою будущую пару повлиял?

У дядей я «наивно» спросила:

– А чем они плохие? Хорошо же быть любимой женой, когда другие готовят, убирают. Вдруг у другого суженого гарема не будет? Как без него жить?

Хашер аж сплюнул с досады и едва не взмолился:

– Доченька, я тебе прислугу найму, так что ты и без гарема прекрасно жить будешь. А о демаи забудь!

– А Келео можно себе забрать? – играла я на драконьих нервах.

Теперь с досады сплюнул Майдаш:

– Хуже демаи – только черные драконы! Эти и без гарема до кошмарных снов доведут.

– Тем более, я слышал, Келео нашел суженую. Хвала Небу, хоть этот занят! – раздраженно сообщил Хашер. А потом, обменявшись взглядами с Майдашем, пробурчал, спуская нас с Тайреном с колен: – Ну и вкус у тебя, доченька, до седины папку доведешь!

Глава 4

«Юные даны, извольте вернуться к занятиям, у нас еще слишком много важного и интересного на сегодня! Сущие негодники!» – на весь сад разорвался дан Мойрис – умный дракон, красивый и замечательный, но с двумя кошмарными недостатками: жутким голосом и до неприличия сильной тягой к обучению других, прямо-таки патологической.

Даже я, зубрилка, как меня дразнят братцы, страдаю на его уроках. Стоит этому многоуважаемому дракону открыть рот, как тут же создается ощущение, что боги с Земли перенесли на Игаю еще и строительный перфоратор, чтобы растряссти последние мозги у бедных учеников. У дана Мойриса еще ни разу за пять лет нашего обучения никто не заснул на уроке. Ни разу! А успеваемость

какая? А количество усвоенного материала? Да мы столичную академию Халеи переплюнем по знаниям уже сейчас, а та известна на всю Игаю.

И «виноват» в этом дядюшка Майдаш, чтоб его Кло из своей постели выгнала хоть на недельку. Этот серый паникер решил, что у нас слишком много свободного времени, раз пацаны по тайным ходам лазают, а я о гаремах думаю. Ну не понял он моей иронии, а я за ту дурацкую шуточку уже пятый год расплачиваюсь. Жизнь – боль!

Под зубодробительный рев учителя мальчишки неслись впереди, почти стелились по земле – не видно, не слышно. Иногда в листве угадывалась то синяя макушка Тайрена, то серая Лиира, но стоило им увидеть, что их собственность и подопечная Алера Ашарвис-Вайлет не отстает и следует за ними как привязанная, они снова призраками растворялись среди растительности. Да, как-то незаметно, к восьми годам, мы с побратимами поменялись ролями и теперь вместо ведущей я превратилась в ведомую. Опять-таки, раз я девочка, то с пяти лет обязана носить положенную драконьему слабому полу одежду, поэтому меня наряжают, как образцово-показательную куклу. В итоге при любой вылазке из замка собираю шикарным подолом всевозможные колючки.

Наконец наша троица пробралась в тайное логово – маленькую полянку в окружении колючего малинника. Плюхнувшись на траву, я отдышалась и старательно расправила подол красивого синего платица с причудливой вышивкой. Несмотря на мою «золотую» родословную, как приемная дочь я принадлежу семье Вайлет, соответственно, вместе с другими сородичами ношу одежду в синих тонах. Да чего от себя правду таить, красивые вещи я и в прошлой жизни любила, и теперь не прочь принарядиться. Жаль, девчачий гардероб не всегда удобен во время подобных походов.

Приведя себя в порядок, я обратила хорошо отработанный царственный хмурый взгляд на побратимов. Тайрен в свои восемь лет выглядит как здешний десятилетний пацан, крупный, выше меня на голову, с ярко-синими растрепанными волосами, которые густой копной торчат вокруг головы. В отличие от меня, нарядной девочки, на нем легкий длинный кафтан, удобные штаны и мягкие туфли, напоминающие земные мокасины. И сверлит он меня не менее хмурым, нереально синим взглядом. Глаза у него вылитые отцовские.

Лиир походит на тень. Худощавый, чуть выше меня мальчик в привычной его Серому клану одежде – том же длинном кафтане, штанах и мокасынах. Светло-пепельные волосы вместе с дымчатыми глазами, серой одеждой и спокойным, даже порой флегматичным выражением миленького детского лица могли бы ввести в заблуждение любого, кто видел Лиира. Но на серого ангелочка этот проныра походил лишь до года, пока не научился криво ухмыляться. Теперь они с Тайреном ведут негласное соперничество за «кто на свете всех милее, всех румяней и белее», вернее, применительно к обстоятельствам, – главнее. Но с переменным успехом лидирую пока я, правда, мое коварное «ха-ха» слышит лишь мой «сожитель» – Древний дракон.

– Ну и зачем мы сюда притащились? – строго спросила я, глядя на обоих виновников нашего побега с урока. – Дядя Хашер лишит сладкого, а дядя Майдаш может запросто придумать что-нибудь более существенное.

– Да ладно тебе, Алера. Что может быть хуже дана Мойриса? – махнул рукой Тайрен, он с рождения отличался прямоотой выражения своих мыслей. – Просто у меня уже нет сил сидеть за столом смирно, все чешется.

– Тебе что отец сказал? Сладкого надо поменьше есть, тогда морда будет меньше, а силы больше, – парировал Лиир в своей привычной ехидной манере.

Я мысленно согласилась с Тайреном: сидеть смирно и не двигаться – это героический подвиг, на который я и сама уже не способна. Странно, но мы втроем последние три дня мучились почесухой, и чем дальше, тем сильнее. Вот что совместное проживание творит: кто-то подцепил заразу, а страдаем вместе. Хотя кожа у всех троих чистая, никаких проявлений заразы я тоже не нашла. Терпеть сил нет, надо бы родителям признаться, но вдруг решат, что мы очередную проказу сотворили, вот и обзавелись последствиями?

Из-за почесухи настроение у всех было поганым, поэтому я добавила к замечанию Лиира свои «пять копеек»:

– Что может быть хуже дана Мойриса? Дядя Майдаш легко добавит нам второго учителя за прогулы. Представляешь, сразу два дана Мойриса будут нас учить... всему... и до самого второго совершеннолетия? А двадцать пять лет еще ой как не скоро...

Но вместо Тайрена нахохлился Лиир и неожиданно выдал:

– Вам-то, конечно, хорошо, вы из одного клана. И дядя Хашер добрый. А я? Как только вылетит мой дракон, отец заберет нас с мамой в Серый клан. И дана Мойриса тоже! Вот что еще хуже!

– Не бойся, мы что-нибудь придумаем, чтобы оставить тебя с нами! – Тайрен тут же пересел к другу и приобнял его за плечи.

Я перебралась к братцам и взяла их за руки, тоже поддерживая. Пережить второе рождение, кошмарную бойню, а потом стать членом большой и такой замечательной семьи дорогого стоит. Делить вот уже восемь лет одну комнату с побратимами, да еще и стать их невольной нянькой и участником всех проказ – все это крепко связало нас узами родства. Тайрена и Лиира кроме как любимыми братьями я не воспринимаю. Иногда мне кажется, что Древний дракон или сами боги специально связали нас, чтобы одинокой душе попаданки, замученной на Земле и потерявшей все, что было дорого и любимо, было проще освоиться в новом мире. Может, наивно так думать: кто я такая, чтобы о моем душевном комфорте заботились боги? Но эти мысли не покидали меня и радовали сердце.

– Надо Кло разжалобить, что тебе здесь безопаснее и лучше всего. Ведь убийцу пока так и не поймали, – предложила я тихонечко, с сочувствием заглядывая в красивые дымчатые глаза брата.

Ох, чувствую, гонять мне в академии от него девок метлой, а то не одно сердце разобьет. Хотя от Тайрена еще больше гонять придется, этот сердцеед уже сейчас пробует свои силы на кухарках, хлопая длинными синими ресницами и выпрашивая сладости в обход матери. Оттого и главная кухарка Лейна на подчиненных уже ворчит, что из-за их слабости второй наследник клана такую тушу откормит, что ни один дракон его не поднимет.

– Вот еще, я не слабак, чтобы прятаться за... – договорить Лиир не успел, Тайрен завертелся волчком, пытаясь почесать себе спину между лопатками, и невольно толкнул нас.

Но возмущаться мы не стали, наоборот, начали в четыре руки чесать Тайрену спину. Он аж заурчал от блаженства.

– Бездельники, вот найду вас – и тогда вы у меня всю родословную королей Халеи и Амиртана назубок выучите! Я с вас по каждому гербу их многочисленной аристократии спрошу... – громыхнул неподалеку голос дана Мойриса.

Мы дружно вздрогнули и сжались, от нервов и у меня начался приступ чесотки. Может, это на учебу такая реакция? Наконец ворчание учителя отдалилось.

– Надо возвращаться, иначе точно огребем, – мрачно заметила я, перевела взгляд на Тайрена и добавила весомый факт: – Как наследник клана ты должен иметь самое хорошее и всестороннее образование.

– Наследник – Хейдар, я – второй сын, так что могу себе позволить отсидеться в кустах, – возразил синий братец, а потом, ехидненько так ухмыльнувшись, перевел стрелки: – Это Лиiru надо стараться, он хоть и не наследник клана, но старший и пока единственный наследник рода Хлоймит.

– Я не понимаю, почему Хейдар за восемь лет лишь раз появился в родном клане? Да и тот торжественный момент мы проспали. Как может наследник клана жить у виверны под хвостом, не участвуя в делах клана? Зачем им то поместье дальней родственницы Адары? – недоумевала я.

Тайрен пожал плечами, переглянулся с серым братцем и снова пожал, тем самым выражая полное непонимание ситуации в своем роду:

– Мама говорит, Хейдар с Адарой живут с ее бабушкой, потому что та болеет часто, слабая она драконица. Для лечения ей нужны родные стены. Хотя, как камни лечить могут, не пойму?

– В переносном смысле. В общем, в родном доме всегда лучше, – рассеянно пояснила я, раздирая в кровь кожу за ухом. – Как же сегодня чешется нестерпимо, надо Фиале все же рассказать.

Содрогнувшись наверняка от тех же ощущений, что и я, Лиир угрюмо согласился:

– Ладно, пошли.

Первым, как обычно, вскочил Тайрен, мы тоже начали подниматься с колен, но в этот момент что-то ухнуло на траву... из его штанов, точнее вместе с ними. Большое такое, длинное, покрытое синей чешуей. Тай в шоке приподнял полы кафтана, разглядывая рваные штаны и шнурок, державший их недавно на талии. Мы втроем, раскрыв рты, чуть наклонившись, рассматривали... драконий... чей-то... синий хвост.

- Твой? - спросил Лиир, округлив глаза.

Тай завел руку за спину, пощупал, потом совершенно серьезно ответил:

- Мой!

Я оторопело почесала макушку и зашипела от боли - чуть сама себе скальп не сняла. Отдернула руку и изумленно уставилась на... драконью лапу, покрытую золотой чешуей.

- Ох, ничего себе! - восторженно выдохнули братцы, отвлекшись от синего хвоста.

И действительно, лапа крупнее моей человеческой руки, с длинными острыми коготками пока еще розоватого, детского, цвета и почти прозрачными перепонками, но без сомнений - драконья. Лапка.

Первым сориентировался Лиир, оглядев густые и колючие заросли, плотным кольцом окружающие нашу маленькую полянку:

- Надо на свободное место...

Договорить не успел и в дыру в кустах полез, таща за собой уже свой собственный драконий хвост, покрытый серебристыми темно-серыми чешуйками. Тоже красивый хвост! Выбраться на открытое пространство мы успели в последний момент. Первым вырвался дракон Тайрена, миг - и вот небольшой синий красавец выпутывается из рваной одежды, затем воспаряет на пару метров над землей. Вокруг него закружился воздух с листьями и веточками, подсказывая, что магия Тайрена тоже созрела.

Следом за ним и мое тело окутало сияние, потом я нетерпеливо выбиралась из лопнувшего платья, ощущая нестерпимое желание взлететь. Когда распахнулись мои крылья, золотые, сияющие в лучах Сола, сознание словно раздвоилось. «Я-человек» оказалась наблюдателем, а «я-дракон» – главной. Перед глазами замелькали картинки памяти. Не той, полузабытой прошлой жизни, а нынешней, с момента рождения на Игае. «Я-человек» делилась знанием со своим драконом, и страшный момент гибели Арса и Ларии, родителей, тоже остро переживала заново. Слова матери о любви согрели нашу общую с драконицей душу.

Помогая себе удерживать равновесие блестящим золотистым хвостом, я неумело, но восторженно колотила по воздуху крыльями, пытаюсь поймать поток у земли, удержаться еще чуть-чуть, но увидела брата. То, что это Лиир, не сомневалась, чувствовала его даже в облике дракона, как родного. Оттого и больно стало при виде бьющегося на земле ущербного зверя. У красивого, серебристо-стального дракона Лиира одно крыло оказалось недоразвитым, словно кто-то большой взял и смял его в кулаке в культю.

Удивительно, но «обратный оборот» проблем не составил, драконица сильно сочувствовала собрату и легко уступила мне главенство. Ведь что может быть страшнее для крылатого, чем лишиться неба? Впопыхах натянув пострадавшую одежду, я кинулась к серому дракончику, беспомощно лежащему на земле и со слезами на глазах дергающему ущербным крылом. За моей спиной зашумел синий дракончик, и вскоре мы с Тайреном замерли возле друга и побратима, разглядывая проблему.

Я же целительница? Магия проснулась, не так ли? Ладони аж горят, словно я обожгла их о горячий котел, по венам будто тысячи кипящих пузырьков несутся. Может, поэтому я решилась на необдуманый и рискованный шаг: начала осторожно расправлять кожаные перепонки деформированного крыла Лиира. Тайрен понял мою задумку и принялся помогать. На пару мы аккуратно и осторожно расправили кожу на крыле, убрали отмершие чешуйки, которые только мешались, и пытались не обращать внимания на тихий болезненный скулеж серого дракончика.

В тот момент, когда мы добились результата – кожа максимально распрямилась на покалеченном крыле, сухом, мертвом и слишком коротком для полета, дал о себе знать Древний дракон. Сначала он ощутил созревшую во мне магию и одарил горячей волной радости, а потом почувствовал мою душевную боль и

увидел моими глазами маленького, распластавшегося на земле дракончика с сухим огрызком вместо крыла. И похоже, решил помочь, потому что меня захлестнуло желание коснуться огрызка, провести по нему ладонью, согреть, выпустить ту энергию, что пульсирует в моей крови, сводит с ума жаром.

– Что происходит? – услышала я испуганный голос Кло, а потом ее придушенный трагичный всхлип: – Сынок!..

Но отвлекаться нельзя; пока Древний хочет помочь, делится знанием, как направить мою магию на исцеление, главное для меня – крыло, напоминающее старый мятый лист, деформированные короткие косточки и мои руки, горящие изнутри...

Я очнулась, лежа на траве. Мои руки остыли, тело от слабости походило на желе, успокаивало лишь то, что Древний «ушел» довольным проделанной работой. Этот любитель яиц точно бы не допустил моего выгорания, а значит – смерти. Открыв глаза и с трудом сев, я сжала кулачки у подбородка, с восторгом разглядывая выросшее почти до полноценного размера крыло. Правда, с ним еще работать и работать, кожа до конца не ожила, частично еще сухая, надо восстанавливать кровоток. Но это все решаемо, раз главную проблему с костью мы устранили. Я сипло и счастливо выдохнула:

– Братишка, ты скоро взлетишь вместе с нами!

Тайрен сунул в морду серому дракончику штаны, намекая вернуть человеческий облик. А меня за плечи обняла Кло и, крепко-крепко обняв, прошептала:

– Спасибо, Алера! Ты подарила моему сыну небо...

Я тоже обняла ее и, не подумав, призналась:

– Я еще не целитель, а только учусь. Повезло, что Древний дракон решил проверить, как тут его потомки проживают. Мы с Таем лишь все выпрямили, а он помог, направил мою силу...

– Ты с ним так крепко связана? Чувствуешь? – восхищенно прошептала Кло, обняв второй рукой уставшего до изнеможения сына, напялившего штаны.

Тайрен притиснулся к ней сбоку уже по привычке. Как-то так вышло, что матерей у нас оказалось две, Фиала и Кло, как и отцов. Майдаш учил нас боевым премудростям, точнее, больше пацанов, а Хашер – торговым и хозяйственным делам всех троих. Ведь если воевать за самку обязан самец, то вести дела рода или клана должны оба.

– Угу, – с тяжелым вздохом призналась я, уже представляя, как меня обложат яйцами в качестве проводника магии Древнего.

Кло заметила или почувствовала мои страхи, чмокнула в лоб и тихонько успокоила:

– Соль, – удивительно, но это детское прозвище сродни «солнышку» за мной закрепилось с рождения, – мы скажем об этом лишь отцам и Фиале, просто чтобы знали и берегли лучше. А другим не будем, все равно правда всплывет, но позднее, когда ты будешь готова.

– Но ведь это шанс помочь многим... – уныло напомнила я.

– Помогать можно без огласки! – Кло нежно щелкнула меня по носу. Потом погладила нас с побратимами по макушкам и полностью расслабилась. – Это твоя жизнь, она не должна принадлежать всем, только тебе самой. Ты вправе распоряжаться своими дарами, как сочтешь нужным. Я уверена, что и Древний не даст тебе сбиться с пути, поможет, подскажет, как сейчас. Ведь мы поэтому тебя частенько в яслях поутру находили, когда ты совсем малышкой была? Он вел туда?

Я с облегчением и улыбкой кивнула.

– Ну вот. Не переживай, все будет хорошо.

– А мое крыло восстановится? – решился спросить Лиир, прижимаясь к матери.

Кло расстроено замаялась, она, как и муж, владеет магией теней и о целительстве вряд ли много знает. И голос ее сына звучал слишком слабо и хрипло. Поэтому я поторопилась пояснить:

– Кость нарастили – это было самым сложным. Судя по моим ощущениям, я пока опустела. Перепонку восстановим, дай мне только силы вернуть. И небо станет твоим!

– Похоже, это неправильное крыло – отголоски треснувшей скорлупы, – со слезами на глазах выдохнула Кло. – Не уберегли мы вас...

– Мы редкая тройня, справимся, – весело заявил Тайрен, похлопав друга по плечу.

– Редкостные лентяи и негодники! – прогремел над нами голос дана Мойриса, но, заметив расстроенную Кло и нашу драную одежду, строгий учитель напрягся и поспешил выяснить, что случилось.

Дан Мойрис из Серого клана внешне очень похож на Майдаша, только без жутких лезвий в сложной косе, но магию воды взял от матери. Любопытно, что именно благодаря воде учитель умеет проводить диагностику состояния организма, влиять на процессы в земле, даже может убить с помощью капли воды. От него мы узнали, что стихии не узконаправленны, и, научившись с ними обращаться, маг становится могучим и опасным. Поэтому молчком вытерпели его магическое сканирование и, затаив дыхание, выслушали диагноз:

– Дана Кло, дану Лииру необходима вода. Он сильно обезвожен. Судя по отголоскам магии даны Алеры, она по полной использовала весь свой резерв, как не выгорела только. Но ее пламя высушило и мальчика. Самой дане Алере необходимо плотно поесть и... – дан Мойрис не выдержал и злобно предложил: – Утопите их вместе в ближайшем пруду и Тайрена захватите. Может, остынут и мозги прополощут от глупостей.

Кло встала, оправила красивое серое платье, перекинула серебристую косу за спину и, задрвав подбородок, заступилась за нас:

– Они только что обрели драконов, дан, у них проснулась магия, но Алера с Тайреном уже успели спасти жизнь моему сыну. Я понимаю, порой они ведут себя необдуманно, но сегодня... – Она помогла нам подняться, пряча мокрые от слез глаза от мужчины, а потом глухо от переизбытка эмоций завершила свою речь: – Все были детьми, но мало кто в начале жизненного пути готов... способен на такие подвиги.

Тайрен героически выпятил грудь и прижал нас с Лииром крепче к себе, и весьма своевременно, ведь мы стояли только за счет его поддержки.

– Какие именно? – нахмурился учитель, и мы поняли, что он пропустил информацию о лечении Лиира.

– Это внутрисемейные дела, – Кло на корню обрубила учительское любопытство. Ясно, проблему с крылом сына она выносить из семьи не хочет.

Мойрис окинул взглядом нашу дрожащую от слабости компанию под боком у непоколебимой Кло. Не знаю, что уж он там сам себе надумал, но, мягко усмехнувшись, решительно подошел к нам, взял меня с братьями в охапку и куда-то понес. Через пять минут они с Кло наблюдали с берега за нами, разноцветными дракончиками, плескавшимися в ближайшем пруду, играя в догонялки. Учитель оказался прав: вода смыла переживания и усталость, наполнила жизненной силой, жаль, что не магией, но нам было весело и легко. Кло сходила тенями в замок и принесла нам другую одежду, а Мойрис высушил наши волосы.

Так что домой мы возвращались в человеческом облике и чинно, правда, с трудом сдерживаясь, чтобы не рвануть бегом и похвастаться Фиале и отцам обретении драконов. Нас буквально распирало от радости и довольства. Что удивительно, после вылета дракона мое восприятие мира изменилось. И поняла я это постепенно. Сначала, обратив внимание на яркое свечение вокруг запястий у Кло, я решила, что это проявление ее магии. Руки Мойриса, который сушил нас, сияли призрачно-голубым светом. Потом вспомнила, что Кло уходила в тени по-настоящему, словно в темный разрыв в пространстве.

По дороге в замок мы встречали десятки сородичей и прислугу, всех их мы отлично знали. Я впервые отмечала золотистые браслеты-сияние на руках некоторых, а иногда и словно связующие, сверкающие золотистые нити, которые будто обволакивали истинные пары. Семейные. Потрясающее открытие! Раньше об этих особенностях никто даже вскользь не говорил, поэтому невольно задумалась: это моя личная способность как целителя или отголоски магии Древнего, проводником которого я являюсь?

Еще все сородичи светились с разной интенсивностью. Это аура? Виверны – слабее, а драконы – чем сильнее их магия или зверь, тем ярче. К примеру, Кло и

Мойрис – сильные маги, их аура испускала ровный яркий свет. Только у Мойриса он абсолютно белый, а у Кло сероватый, такой же, как у ее сына Лиира, будущего повелителя теней. Только возле его левой руки аура... словно молью малость побитая. Ага, именно левое крыло его дракончика еще недавно было искалеченным. Надо же, я вижу ауру живых и проблемные места! Выходит, это дар целителя, а не влияние Древнего.

А ведь моя земная мечта обрести магию исполнилась. Я – настоящий маг и уже даже использовала силу по назначению. Жизнь – прекрасна!

Глава 5

Мы с братцами дружно и нетерпеливо ворвались в приемный зал, где, по словам прислуги, нас ждали первая пара и Майдаш. Серая мама с трудом поспевала за нами шагом – бежать за детьми по замку вроде как несолидно, вот она и делала вид, что просто очень быстро идет. Очень-очень быстро, так, что подол платья торопящейся Кло летел за ней парусом.

– Папа! – дружно, радостно заорали побратимы, обращаясь каждый к своему отцу, и сразу осеклись, увидев неожиданно прибывших гостей.

Приемный зал, в отличие от того, где проходят деловые переговоры, с высокими арочными дверями-окнами, открытыми солнечному свету, свежему горному ветерку, приносившему ароматы разнотравья и цветущего сада. Из-за высоких окон жители замка и гости частенько используют зал в качестве прихожей.

В ореоле яркого света оказались не только свои, но и несколько гостей. Две золотоволосые девушки и молодой синеволосый и синеглазый мужчина, которого Фиала крепко обнимает и с нежностью целует в гладкие щеки. Хашер и Майдаш улыбаются. Первый – счастливо, второй – вежливо, хотя для моего серого дядюшки улыбка в принципе событие, ею он редко кого одаривает, кроме самых близких.

– Хейдар! – обрадовался Тайрен брату.

– Адара! – воскликнула я, ощутив в хорошенькой, изящной, как статуэтка, девушке слева от Хейдара свою кузину по крови.

Собственно, и сам дядин первый сын мне теперь старший брат, пусть и не биологический. И хоть я вижу его впервые, но знаю о нем очень много. Слишком часто Фиала и Хашер вели разговоры о своем старшеньком сыночке, которому всего-то триста годочков, а он уже истинную пару нашел в лице моей юной, столетней, кузины. Гордость семьи, правда, омраченная тем, что по непонятной причине новобрачные вот уже двадцать лет отсиживаются в отдаленном глухом поместье Адариной бабушки, где-то на границе между Золотым и Синим кланами.

Мы с побратимами, притормозив, осторожно приблизились к гостям и замерли в нерешительности: обниматься с ними, подобно Фиале, или постоять рядом, как Хашер? Меня лично смутила вторая незнакомка, которая красовалась по правую руку от Хейдара. Вроде тоже ощущалась родней по крови, но чем дольше я наблюдала за ней, да, пожалуй, и за кузиной с супругом, тем меньше хотелось подходить ближе. Что-то было в них неправильное, болезненное, сбивающее с толку, даже отвратительное... Я впервые в жизни испытывала подобные острые чувства... ну, кроме экстремального дня своего рождения, когда погибло более тридцати яиц в яслях древнего дракона. Тайрен и Лиир, как всегда, уловили мой настрой и переглянулись в недоумении.

– Алера, Тайрен, ваш старший брат Хейдар со своей парой Адарой и ее бабушкой Микудой решили, наконец, навестить родной дом! – радостно, чуть-чуть с укоризной, не то к нам из-за беготни и воплей, не то к сыну и невестке, глаз в родной дом не казавших, возвестила Фиала, выпустив из объятий молодую пару и подходя к нам.

Имя Микуда что-то всколыхнуло в моей душе, царапнуло отголоском памяти, зацепило, но подумать и вспомнить я не успела. Тайрен и Лиир, гордо задрав довольные физиономии в ожидании похвалы и восторгов от родных, дружно похвастались:

– У нас драконы вылетели!

– Сейчас? Всего в восемь лет?! – счастливо воскликнул Майдаш.

– Мы – сильнейшая тройня! – вовсю пиарился хитрюга Тайрен, а Лиир хитровато ухмылялся, поддерживая брата.

Я молчала, натянуто улыбаясь, более того, ноги сами принесли меня к Хашеру, а руки обняли его за талию. Прижалась к нему, и непонятно откуда взявшийся страх и напряжение сразу исчезли. Дядя, удивленно глянув на меня, положил ладонь, теплую, родную, надежную, на мою макушку и с нежностью погладил по волосам, мягко успокаивая:

– Ничего, доченька.

Видимо, подумал, что я расстроилась из-за того, что драконов обрели только братья.

В этот момент к нам подошла Кло, прижалась к мужу и тихо сказала ему:

– Одновременно у всех троих. – И, содрогнувшись от переживаний за сына, шепотом призналась: – Алера с Тайреном помогли дракону Лиира.

Майдаш, сразу обнявший жену, насторожился и озабоченно спросил у нее:

– Что случилось?

– Потом, – коротко мотнула она головой, уткнувшись ему в грудь и расслабляясь, привычно разделяя с ним трудности и заботы.

Но все это я отмечала лишь краем сознания, никак не могла отвлечься от странных гостей, по сути, незнакомцев, ведь брата с женой до сегодняшнего дня видела только на портретах в замковой галерее. А их единственный визит в семейное гнездо мы с братцами проспали. Хейдар очень походит на отца лицом и фигурой, они одинаково хмурят синие брови, скупно улыбаются краешками губ, смотрят с легким прищуром.

Лицо Адары тоже знакомое, родное, но по-другому. Ветерок играет подолом ее легкого, почти воздушного синего платья с золотистой вышивкой – данью традициям Золотого и Синего кланов – и белокурыми волосами, блестящей волной рассыпавшимися по спине. Пара прядей вдоль лица подчеркивает

молочную кожу. Яркие янтарные глаза, золотисто-коричневые брови, губы, прямо как у меня, верхняя чуть полнее нижней. Эта прекрасная, хрупкая и неожиданно робкая драконица обернулась, ветерок подхватил ее волосы – и на миг мне показалось, что мама... Лария смотрит на меня.

Я невольно прижалась к Хашеру сильнее и зажмурилась, чтобы не расплакаться. Все же вылет дракона – это словно заново родиться, да еще обмен памятью прожитых лет. Еще слишком свежи воспоминания, которыми я поделилась пару часов назад со своей второй драконьей половинкой.

Чтобы не терзать душу и не смущать Адару, я таращилась на Микуду. Эта бабушка-драконица, несмотря на юную прекрасную внешность, отталкивает. Смотрит на всех свысока, хоть и сама невелика ростом и не из сильных, – теперь я это чувствую, распознаю у драконов. Золотые косы Микуда уложила в виде короны, украсила их желтыми бриллиантами, облачилась в сверкающее золотом платье и туфли – имидж блистательной некоронованной королевы.

Наконец Тайрен не выдержал, подошел к брату и, запрокинув голову, с отчаянной надеждой спросил:

– Ты вернулся? Совсем-совсем?

– Да, мы решили пожить пока в клане, под защитой родных стен, – улыбнулся Хейдар, почему-то не по-родственному равнодушно, почти отстраненно, так, для приличия.

И этим еще больше удивил меня, ведь драконы искренне любят детей, защищают родных, ценят семью превыше всего.

– Что-то случилось? – встревожилась Фиала, невольно обмениваясь взволнованными взглядами с Хашером.

– Нет. Просто Микуда... – спокойно, мне кажется, слишком спокойно и бесстрастно ответил Хейдар.

И тем не менее сказанное вновь имя бабушки словно прорвало плотину – я вспомнила последние слова матери, золотой драконицы Ларии, они вспыхнули в

голове: «Это была Микуда...» Распахнув глаза, я вытаращилась на раззолоченную драконицу, старшего брата и его жену. В голове завертелся сумбур из мыслей, образов и подозрений.

После небольшой заминки Адара пояснила робким, нежным голоском:

- Бабушка опасается жить в нашем поместье, там недавно видели черных драконов и демаи.

- Боюсь темных до дрожи! - рассмеялась Микуда.

На удивление приятный смех, словно журчащий хрустальный ручеек, совершенно не вязался с ней, как если бы принадлежал другой женщине.

- Черные в вашей стороне? - Я ощутила, как напрягся Хашер, но опять отметила это лишь краем сознания, задумавшись о другом несоответствии.

Я тысячи раз видела, как относятся истинные пары друг к другу. Они не могут без прикосновений, и если находятся рядом, то как единое целое, тесно-тесно, на одной волне. Неважно, слабые виверны или сильные драконы, пара - святое. А Хейдар и Адара стоят рядышком, не касаясь даже пальцами. Я почувствовала, «увидела», что они, словно два «плюса», отталкиваются друг от друга. Не смотрят в глаза друг другу, отклоняются в разные стороны, будто в любой момент готовы разбежаться, лишь бы не находиться рядом. Но не могут, как связанные цепями, словно что-то их держит, неправильное, мучительное, безумное.

За все время они так и не обменялись взглядами, слишком равнодушные, ненормально бледные, уставшие от жизни. Неужели другие этого не замечают? Внутри у меня заворочался Древний дракон, видимо, ощутил мои страхи, напряжение и нехорошие мысли. Семья и яйца для него святое, за них он готов на любые подвиги и жертвы.

Окружающие о чем-то говорили, а мы с Прародителем отвлеклись, потому что я обратила внимание на одну странность, как мне показалось. И Древний заворочался еще больше. Если Хейдар и Адара - истинная пара, которая в браке уже около двадцати лет, то почему их руки обвивают не такие, как те, что я видела на жителях клана, пока шла сюда, золотые энергетические нити-

браслеты, а черные? Похожие на кандалы.

Я сглотнула, горло пересохло, жар ярости Древнего разливался по всему телу. Хрустальный голос Микуды, в котором слышалось высокомерное превосходство, флирт и откровенная лживая лесть хозяевам замка, звучал все отчетливее. А мы с Прародителем, «просканировав» Хейдара и Адару, увидели рваную, тусклую, болезненную ауру у обоих и черные энергетические кандалы вместо парных светящихся браслетов истинных. Увидели пульсирующую нить-пуповину, связывающую оковы супругов с Микудой, питающую ее ненасытную темную сущность. Эта позолоченная дрянь высасывала из молодой пары силы, чувства, магию. Саму жизнь! Медленно, но неотвратимо. Становясь сильнее, могущественнее, кошмарнее. Нет, эта драконица не была темной от природы, более того, эта тварь наделена светлым даром воздушной стихии. А вот ее нутро и душа прогнили насквозь.

«...Это была Микуда...» – вновь вспыхнули в памяти последние слова матери, а Древний толкнул меня вперед. Не дал остаться в безопасности возле любимого дядюшки Хашера, спрятаться за надежной спиной дядюшки Майдаша, вынудил приближаться к страшной гостье шаг за шагом, не отрываясь от черных энергетических кандалов. Они вызвали в Древнем разрывающую мое сознание ярость, боль, сожаление. Такие противоречивые чувства.

– Что с ней? – нервно и визгливо спросила Микуда, отшатываясь от меня.

Я застыла рядом с супругами, которые... не пара. Адара, придерживая подол милого платья, присела передо мной на корточки и мягко, даже кротко улыбнулась:

– Алера, наша маленькая Соль, ты так похожа на Ларию, свою мамочку! Знала бы ты, как они с Арсом ждали тебя, как любили. Лария сама вышивала пеленочку в корзинку для твоего яйца, для любимой доченьки...

Я шмыгнула носом от избытка чувств. Из моей белой, вышитой золотом пеленки мне сшили наволочку на подушку. Любимую! Под нежным взглядом добрых, красивых глаз Адары я вытерла слезы, а потом сделала то, что требовал, приказывал Древний. Потянула немного его светлой силы, обхватила скованные запястья Хейдара и Адары – и содрала с них энергетические оковы! Разрушила чье-то проклятое богами магическое плетение.

Дальше начался настоящий переполох. Сначала от нестерпимой боли заорали Хейдар и Адара, выдергивая из моего захвата руки, отшатываясь от меня словно от огня. Кузина свалилась на пол как подкошенная, сознание ее оставило. А Хейдар рванул на груди синий кафтан, будто ему воздуха не хватало, и ломанулся в окно, взмахнул руками. Уже в следующий миг, разрушив часть арки, под звон разбившегося стекла в небо взмыл синий, потрясающе большой и красивый дракон. Мне показалось, его рев возвещал о свободе, жажде убивать и одновременно о жизни.

Третий участник этой темной, проклятой связки, скрючившись, скулил на полу. Микуда получила жесткий откат после разрыва связи, сейчас тьма чужой магии вгрызается в ее плоть, пожирает украденную у других силу. Не знаю, видел ли кто это из присутствующих, а вот я волею Прародителя – отчетливо.

– Что происходит? – раздавались испуганные женские и яростные мужские крики.

Тайрена и Лиира прятали в своих объятиях матери за спинами отцов, а те не знали, на кого кидаться и убивать. Я чувствовала, что мои глаза горят знакомым золотым огнем Древнего, он был мной, больше того, сдерживал свою ярость, чтобы не спалить меня в ней дотла. Потому и голос, которым я заговорила, был хриплым, чужим, совсем не моим:

– Эта тварь совершила страшное преступление, поправа волю богов, нарушила плетения судьбы и связала самым черным образом души этих двух драконов. Обрекла на медленную смерть, высасывала их магию и силы, калечила души. Их объединяла не истинная парная связь, а проклятье дейтрини: черная жажда друг в друге, болезненное вожделение, когда ненавидишь себя и сожителя, но мучительно желаешь его. Когда рядом быть больно, омерзительно, но расстаться не в силах и тянет, тянет друг к другу. – Моя рука указала на мертвенно-белую Адару, лежащую без сознания, Древний обратился к Хашеру: – Твой сын – насильник и мучитель для этой девочки, а она для него – боль и стыд. Но теперь оба свободны, я разрушил сотворенное Микудой черное зло. Пусть теперь на себе познает, что ощущали эти дети, порабощенные, несчастные.

Теперь все смотрели на Микуду, а та корчилась от страшной боли-отката на полу, скулила и завывала. Наконец Древний успокоился, дал мне овладеть собой, но сделал лишь хуже. Теперь слова матери горели во мне огнем, вызывая стыд и боль, потому что я их забыла, надолго забыла. Посмотрев на Майдаша и

Хашера, всхлипнув, я призналась:

– Там, в пещере, перед смертью мама сказала, что это была Микуда. Но я забыла, простите меня, пожалуйста. Я забыла об этом. Не поняла, а сегодня, когда вылетела моя драконица, вспомнила...

Серый и синий отцы резко изменились. Стало жутко на них смотреть: черты лица заострились, такой хищный, звериный, клыкастый оскал я видела у драконов в человеческой ипостаси впервые. Они словно подобрались для смертельного броска. Но еще больше потрясли Кло и Фиала. Обе мои приемные мамочки побледнели. Их красивые огромные глаза походили на блюдца. Изумленные, ошеломленные, они не могли понять, как женщина, знакомая, родственница, пошла на убийство детей. Глядя на них, и до меня дошло, почему мама перед смертью сказала о ней – указала имя заказчика убийства!

Лария, конечно, не надеялась, что младенец сразу передаст ее последние слова взрослым; она предупредила меня о Микуде, как раз рассчитывая на момент обретения драконицы. Ведь нас учили и родители, и близкие клановцы, и дан Мойрис, что, перерождаясь, юный дракон вспоминает прожитое человеческой ипостасью заново. А вот в восемь-десять лет ребенок с большим вниманием отнесется к словам умирающей матери. И расскажет о них заинтересованным в торжестве справедливости лицам.

Майдаш почернел, я уже не раз видела этот фокус – так теневики уходят в свою стихию, чтобы переместиться быстро и незаметно. Но Хашер его опередил – синей молнией метнулся к Микуде и перехватил друга. Удерживая его руки с кинжалами, он хрипло от ярости прорычал:

– Не-ет! Стой! Так легко я не дам ей умереть. Она будет подыхать долго, очень долго и весьма мучительно.

Драконов окутали тени – метались у ног, расплывались по залу. Майдаш мотнул головой, пытаясь вырваться из дурмана собственной ярости. Кло и Фиала не могли сдвинуться с места, сжимая кулаки. Наверное, они сейчас вновь в воспоминаниях оказались в той пещере, переживая ужас потери детей. Все, включая моих братцев, с трудом удерживались, чтобы не кинуться на воющую от боли, обездвиженную Микуду.

А я обхватила себя за плечи, мне было горестно, пусто и страшно. Мгновение – и меня обняли побратимы, первым Лиир, а Тайрен прижал к себе нас обоих. И тут застонала очнувшаяся Адара. Родители перевели на нее убийственный взгляд, наверняка подумав, что внучка причастна к преступлениям бабки. Поэтому я, вырвавшись от братьев, кинулась к кухне и заступилась за нее:

– Нет! Нет! Адара – невинная жертва, Древний это знает, чувствует, ощущает, видит! – Закрыла руками хрупкую несчастную девушку и хрипло от переизбытка эмоций выдохнула: – Ей было хуже, больнее, страшнее, ведь она двадцать лет была жертвой мучительной жажды Хейдара и его ненависти. При этом не понимала, как истинный может так относиться к своей паре... А ведь она еще и гораздо слабее Хейдара как маг и дракон! Ее лишили всего: любви, родных, заботы и защиты, собственной силы и магии... Всего!

Фиала и Кло не изменили себе: как курочки-наседки опустились рядом со мной и Адарой и захлопотали над ней. Ведь для Фиалы Адара целых двадцать лет была любимой невесткой, от этого так просто не отвернешься. Теперь мою бедняжку кухню обнимали самые теплые и нежные руки, приподняли ее голову, положили на колени и ласково гладили по золотым волосам, разметавшимся по плечам и полу. Какая же у меня красивая родственница и как же она похожа на Ларию – мою погибшую игайскую мамочку! И раз они делились сокровенным, к примеру, именем будущей дочери, значит, были подругами. Поэтому я не брошу эту столетнюю «девчонку», позабочусь о ней.

Тем временем в зал по зову главы клана прибежали стражи. Совсем скоро весть о том, кто убийца детей, понеслась по клану и за его пределы пламенем на ветру. Хейдар вернулся потрепанный, уставший, но словно посветлевший. Не глядя на сочувствующих родственников, он подошел к уже явно бывшей жене – и вдруг поднял ее на руки, осторожно, заботливо, и понес прочь из зала, а я с побратимами рванула вприпрыжку впереди, показывая, куда нести. Кло и Фиала следовали за нами.

Распахнув двери нашей детской, я в предвкушении давно ожидаемых перемен щедро предложила:

– Детская – самая светлая и замечательная комната! А какая здесь кровать большая... и уютная. Адаре здесь будет лучше и спокойнее всего. Надо только ее вещи сюда перевезти из вашего захолустья. Будет жить с нами!

Когда Адару уложили на покрывало веселенькой расцветки, все замерли. Хейдар неосознанно хмурился, Фиала не знала, за кого больше переживать, а Кло сжимала руки на груди, наверняка терзаясь желанием быть и с нами, и с мужем.

– А где мы спать будем? – неприятно удивились Тайрен и Лиир.

Я делано спокойно развела руками и как ни в чем не бывало предложила:

– Займем соседние комнаты, парни, ничего страшного.

– Может, лучше...

Возможные поползновения Фиалы я оборвала чуть более резко, чем хотела:

– Нет. Здесь Адаре будет лучше всего. Всех монстров из-под кровати мы за восемь лет разогнали. Давно пора делать ремонт, вот и сделает по своему вкусу. А мы выберем себе комнаты... и кровати...

– Хорошо, – согласилась синяя мамочка, – давайте прямо сейчас...

– Да-а-а!!! – счастливо завопила я и ринулась к давно уже присмотренной соседней комнате, не менее светлой, пусть и не такой большой, но своей. Распахнув вожделенную дверь и увидев узкую, скромную кровать, я с диким восторгом проревела: – Мое-е... моя!

Лиир с Тайреном замерли на пороге, Кло с Фиалой позади них и смотрели на меня с поощрительными улыбками. В отличие от понятливых женщин, побратимы уныло поинтересовались:

– А мы где?

– Там! Где-нибудь там, да хоть на коврике... только за дверью, – отмахнулась я и ринулась обследовать свою новую, любимую, единоличную недвижимость. Жизнь – прекрасна!

Затем, вытолкав братьев из своей комнаты, деловито вернулась в бывшую «общагу» собирать вещички, освобождать детскую жилплощадь. Но тройня мы

все же редкая, как недавно заявил Тайрен, поэтому, недолго препираясь, выбрали и побратимам другое место жительства, каждому свое. Потом мы дружно делили и переносили вещи по своим комнатам, чем попутно развлекали наших мам, прислугу, даже пришедшую в себя Адару. Сначала измученная кузина тенью сидела в кресле, кажется, и не шевельнувшись, а затем отвлеклась на нашу возню. Благодаря заботе и сердечному участию Фиалы и Кло девушка поверила, что ее действительно не винят ни в чем, любят, как прежде, никуда не отпустят и она наша, «синяя».

Приходил к Адаре и Хейдар. Они постояли, напряженно и по-прежнему не глядя друг другу в глаза; по пробегающей по ним дрожи я чувствовала, что для них пребывание в одном помещении, да что там, даже видеть друг друга еще слишком если не мучительно, то неприятно точно. Но поговорить им стоило, и мой старший брат – дракон, проживший триста лет, – это отчетливо понимал и потому настоял.

К счастью, беседа прошла душевно. Откуда я это знаю? Ну как... хоть мы оставили их наедине, но кто же нас остановит от подслушивания. Хейдар просил у Адары прощения за боль. Мальчишки не поняли за какую, а я не стала говорить им про насилие, пусть пока думают, что душа болела. А еще бывший муж просил кузину остаться в Синем клане, обещал стать ей надежным другом, ведь свой пуд соли они съели, прожив вместе двадцать лет. Он поклялся, что позаботится о ней как родственник, что больше никто и никогда не причинит ей зла и не обидит. И Адара согласилась. Когда бывший муж ушел, она рыдала на кровати, а мы с побратимами прокрались к ней и, облепив со всех сторон, всячески утешали.

Клан гудел, в замок слетались родители, потерявшие в той бойне детей, а мы сидели в детской вчетвером, пили чай, «баловались плюшками», вернее, пирожками нашей обожаемой Лейны и делились с моей кузиной байками. Древний через меня потихонечку латал прорехи в ее ауре, лечил бедняжку. Ей, женщине слабой, от магических кандалов досталось гораздо больше, чем Хейдару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/olga-guseynova/suzhenaya-mraka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)